
DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-335-383
УДК 821.161.1

Большая реставрация. Русская версия «Лолиты»: от рукописи к книге

© 2018, А.А. Бабиков

Аннотация: В работе рассматривается история создания и лексические особенности русского авторского перевода романа В. Набокова «Лолита» (1967), его последующих переизданий в России. Впервые на основе сопоставления опубликованного текста с рукописью перевода и другими архивными материалами, а также с английским оригиналом романа выявлены множественные искажения, пропуски, разного рода привнесенные машинисткой ошибки и сформулированы те эдичионные задачи, которые должны быть решены при подготовке первого критического издания «Лолиты».

Ключевые слова: Владимир Набоков, «Лолита», история публикации, архивные материалы, автоперевод.

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабиков, независимый исследователь, Москва.

E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Цитирование: *Бабиков А.А.* Большая реставрация. Русская версия «Лолиты»: от рукописи к книге // Литературный факт. 2018. № 9. С. 335–383.

1

В 1967 г. в нью-йоркском издательстве “Phaedra” вышел в свет русский перевод самого известного романа Владимира Набокова «Лолита». Вопреки предсказанию Нины Берберовой, сделанному в 1959 г., вскоре после американского издания романа, что «[п]о-русски, как можно легко угадать, в этом столетии выхода книги не предвидится»¹, уже в 1963–1965 гг. «Лолита» была переведена самим автором и два года спустя опубликована. Книге была предпослана длинная аннотация, начинавшаяся рядом риторических фигур:

Говорят, что эта книга в Советском Союзе запрещена. Да так ли это? И если так, то почему? В чем состоит запрет? Внесена ли она в некий официальный [sic] список запрещенных книг? Существует ли такой список?

«Лолита» это необычайное художественное произведение. Это книга о страстной любви взрослого мужчины, соблазненного двенадцатилетней девочкой. Книгу упрекали в эротизме и даже в порнографии. Нелепое обвинение. В ней речь идет о глубоких и трагических переживаниях.

Если книга эта действительно запрещена в Советском Союзе, то теряет на этом только советский читатель. [...]

Но, конечно, возможно, что это совсем не так, и что разговоры о запрещении всего только ложный слух.

Как сам Набоков неоднократно указывал [...] его книги лишены политической подопрелки [...] таким образом, оставалось бы предположить, что причина запрета «Лолиты» в любовной теме книги?²

Эти вопросы, обращенные к литературно-издательскому начальству за Железным занавесом, могли вызвать у читателей лишь недоумение. Старый эмигрант и видный юрист А.А. Гольденвейзер писал Вере Набоковой 11 января 1967 г.: «Получил я также проспект

¹ Берберова Н. Набоков и его «Лолита» // Новый Журнал. 1959. № 57. С. 93.

² Набоков В. Лолита. New York, 1967. Текст на суперобложке. Авторская орфография сохранена. Среди переписки Набоковых с издателем Оскаром де Лисо, хранящейся в нью-йоркском архиве писателя, отложился правленный и сокращенный Набоковым текст этой аннотации, в которой изначально были и такие курьезные слова: «Таким образом выходит, что если Советский Союз запретил “Лолиту”, то произошло это только потому, что книга касается любви. Но если мы не ошибаемся, Ленин в свое время никогда не запрещал любви. Он стремился к свободе от других вещей, но не к свободе от любви. Ибо в этом случае революция носила бы совсем другой характер. Но мы ведь знаем, что Ленин не запретил “Лолиты”, если она действительно запрещена. Это мог сделать только маленький темный чиновник, озлобленный тем, что оказался соблазнен молодой девушкой» (The New York Public Library. Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Oscar de Liso).

русского перевода «Лолиты», в котором — довольно наивно — выражается сомнение в том, что книга запрещена в России. Насколько я знаю, ни одно произведение живого русского эмигранта в Россию не допускается»³.

Набоков, разумеется, понимал, что перевод его скандальной книги ни при каких обстоятельствах легальным путем в СССР проникнуть не сможет. В «Постскриптуме к русскому изданию» романа он заметил:

Вопрос же — для кого, собственно, «Лолита» переводится, относится к области метафизики и юмора. Мне трудно представить себе режим, либеральный-ли [sic] или тоталитарный, в чопорной моей отчизне, при котором цензура пропустила бы «Лолиту». [...] Как писатель, я слишком привык к тому, что вот уже скоро полвека чернеет слепое пятно на востоке моего сознания — какие уж тут советские издания «Лолиты»!⁴

Едва ли случайно дата, указанная в подписи к «Постскриптуму», «7-го ноября 1965 г.», приурочена Набоковым к Октябрьской революции, грянувшей за полвека до этого (по новому стилю).

Для чего же он взялся за трудный перевод своего романа, зная, с одной стороны, что читательская аудитория старой русской эмиграции слишком разрознена и малочисленна, а с другой, что книга у него на родине будет запрещена?

В интервью Алвину Тоффлеру (январь 1964 г.) Набоков рассказывал англоязычной аудитории о цели своей работы:

Я представил себе, как в отдаленном будущем кто-нибудь опубликует русский перевод «Лолиты». Я навел фокус моего мысленного телескопа на этот самый момент в отдаленном будущем и увидел, как каждый абзац, и без того избыточный разного рода ловушками, приглаживается к чудовищному переложению книги. Скроенный каким-нибудь пакостным поденщиком, русский перевод «Лолиты» оказался бы испорчен с первой страницы до последней и состоял бы сплошь из вульгарного изложения оригинала или грубых ошибок. Посему я решил перевести роман собственноручно⁵.

³ А.А. Гольденвейзер и Набоковы / Публ., подгот. текста и коммент. Г. Глушанок // NOJ. Nabokov Online Journal. Vol. I. 2007.

⁴ Набоков В. Лолита. New York, 1967. С. 298. Далее цитаты из романа приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте.

⁵ Nabokov V. Strong Opinions. New York, 1990. P. 38. Здесь и во всех других случаях, если не указано иное, перевод мой. — А.Б.

Позднее, в сентябре 1966 г., в интервью Герберту Гольду, на вопрос, как бы он отнесся к советским изданиям его книг, Набоков ответил:

Милости просим. Собственно, издательство “Victor” печатает мое «Приглашение на казнь», репринт оригинального русского издания 1935 года, а нью-йоркское издательство “Phaedra” намерено выпустить мой русский перевод «Лолиты». Уверен, что советское правительство будет только радо официально допустить в свою страну роман, в котором, как можно подумать, предвосхищается наступление гитлеровского режима, и роман, в котором, как полагают, резко критикуется американская система мотелей⁶.

Этот ироничный ответ Набокова, отвергающий саму возможность официального разрешения его произведений в СССР, вместе с тем не отвергал возможности их признания советской читательской аудиторией. Переписка Набокова и его жены с владельцем «Федры» Оскаром де Лисо и лексические особенности самого перевода показывают, что помимо художественных целей он питал вполне определенные надежды на скорое проникновение своих книг в СССР и рассчитывал на отклик советских читателей⁷.

Набоков приступил к переводу «Лолиты» 27 января 1963 г. Ко 2-му февраля этого года (как указано им самим в рукописи перевода) он перевел десять первых глав, после чего отложил эту работу. Он вернулся к ней 1-го декабря 1964 г. и окончил перевод вчерне 28 мар-

⁶ Там же. С. 97.

⁷ Они вскоре появились, о чем сообщали Набоковым, к примеру, Карл и Эллендея Профферы, которые 5 мая 1969 г. писали: «Мы постоянно встречаем [в СССР] Ваших читателей — “Лолиты”, “Других берегов”, “Приглашения на казнь” и “Дара” (в такой последовательности)» (Переписка Набоковых с Профферами / Публ. Г. Глушанок и С. Швабрина. Пер. с англ. Н. Жutowской // Звезда. 2005. № 7. С. 137). Четыре года спустя после выхода русской «Лолиты» А. Вознесенскому удалось напечатать в советском журнале «Смена» стихотворение «Фиалки», в котором были такие строки: «[...] Молится Фишер Бобби. / Вертинские вжгут (обе). / У Джиоконды улыбка портнишки, / чтобы булавки во рту сжимать. [...] Боги желают кесарева, / кесарю нужно богово. / Бунтарь в министерском кресле, / а Папа зубрит Набокова [...]» (Вознесенский А. Фиалки // Смена. 1971. № 24. С. 1). Несомненно, что Вознесенский назвал Набокова именно в связи с «Лолитой», сперва запрещенной, но вскоре переведенной на все основные языки (в том числе на итальянский в 1959 г.), и, вполне возможно, отсылал к одной из самых коротких и важных ее глав, в которой Г.Г. рассказывал: «Года два тому назад, в минуту метафизического любопытства, я обратился к умному, говорящему по-французски, духовнику, в руки которого я передал серое безверие протестанта для старомодного папистского курса лечения, надеясь вывести из чувства греха существование Высшего Судии» (с. 262). S. Paperno и J.V. Nagorian указывают, что в 1969 г. в Ленинграде можно было «за пять рублей получить “Лолиту” на одну ночь, если читатель давал обещание не производить фотосъемку книги» (Paperno S., Nagopian J.V. Official and Unofficial Responses to Nabokov in the Soviet Union // The Achievements of Vladimir Nabokov. Essays, Studies, Reminiscence and Stories / Ed. by G. Gibian and S.J. Parker. Ithaca, New York, 1984. P. 113).

та 1965 г. В конце рукописи перевода Набоков сделал по-русски пометку: «Закончен черновой перевод *Лолиты* марта 28-го, 1965 г.». Осенью этого года Набоков вместе с женой перечитал и исправил рукопись, после чего на ней появилась карандашная приписка (по-английски): «Осень 1965, [перевод] выправлен с участием Веры»⁸.

О начальном этапе работы над переводом «Лолиты» Набоков сообщил Роману Гринбергу, который еще в 1952 г. сделал по его предложению пробный перевод на русский язык нескольких глав из «Conclusive Evidence». Набоков тогда отказался от его услуг и перевел всю книгу самостоятельно под названием «Другие берега»⁹, теперь же он писал ему следующее (10 февраля 1963 г.):

[...] Ты послужил мне катализом: перевожу на русский язык мою *Лолиту* и хочу тебе предложить первые десять главок (опустив предисловие) для твоего сборника. Возьми-ка ты пожалуйста английский текст и, освежив память, реши, хочешь ли навлечь на себя гнев нашей чопорной общественности и Аронсона.

Если можешь, сообщи свое решение телеграфно, и если девочку хочешь, я очень поспешу, и материал будет в твоих руках этак числа двадцатого. Перевод чрезвычайно трудный, но первые десять главок уже сделаны, и мне нужно их теперь пересмотреть и продиктовать. [...] ¹⁰

Гринберг отказался печатать набоковский перевод в альманахе «Воздушные пути», что следует из письма Набокова к нему от 14-го февраля 1963 г.:

Ты говоришь в телеграмме, что считал бы несправедливым по отношению к читателям твоего альманаха напечатать всего лишь отрывок из «Лолиты». Но могу тебя утешить: она выйдет по-русски в большом издательстве (с распространением по всем вокзалам вдоль железного занавеса), как только кончу переводить, и всяк был бы рад закуске.

За три недели интенсивной работы над переводом я так им увлекся и так далеко отошел от «Евгения Онегина» и его дяди Савы, что ни физически, ни духовно не могу и думать сейчас к ним вер-

⁸ Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. *Lolita* (Russian translation).

⁹ См. письмо Набокова к Гринбергу от 14 января 1952 г. («Дребезжание моих ржавых русских струн...») Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967). Публ., предисл., коммент. Р. Янгирова // *In memoriam*. Исторический сборник памяти А.И. Добкина / Сост. В.Е. Аллой, Т.Б. Притыкина. СПб., Париж, 2000. С. 375).

¹⁰ Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967). Публ., коммент. Р. Янгирова // *Диаспора. Новые материалы* [Вып.] 1 / Ответ. ред. В. Аллой. СПб., Париж, 2001. С. 539.

нуться [...] Очень жалею, что ты испугался и что мне нечем заменить отвергнутую тобой нимфетку¹¹.

25 декабря 1965 г. Вера Набокова извещала Гринберга: «Lolita по-русски закончена, и завтра нам должны вернуть последнюю ее часть в переписанном на машинке виде. Хотите печатать в *Путьях*? Впрочем, нет, ведь вы уже отказались»¹².

Тот же Роман Гринберг незадолго перед тем писал Набокову, что его книгами заинтересовался Исаак Пэтч, ведающий «новыми проектами» на радио «Свобода». «Он также ведает русским издательством при станции, — продолжал Гринберг, — и аген[т]ствами переотправки книг и журналов в СССР. Пэтч мне помог отправить туда мои В[оздушные] П[ути]. Так вот вчера он мне сообщил, что он решил переиздать некоторые твои сочинения на русском языке для отправки их туда. И зная, что мы с тобой хорошо знакомы [...] просил меня узнать у тебя, как ты к этому отнесешься»¹³.

О реальной возможности передавать книги в СССР Набокову написал также Борис Филиппов 19 апреля 1966 г.:

Глубокоуважаемый
Владимир Владимирович!

Пишу Вам, как выдающемуся представителю мировой литературы, рожденному русской землей.

Группе нашего издательства “Inter-Language Literary Associates” хотелось бы, чтобы русские за Железным занавесом узнали Вас полнее, узнали, что такое свободная трактовка разнообразнейших тем в совершенной форме. Поэтому мы просим Вас предоставить нам право издания (на русском языке) Ваших произведений. В частности, мы имеем в виду «Лолиту», над русской версией которой Вы — так мы слышали — работаете.

Мы стараемся ознакомить интеллигентного читателя в СССР и странах коммунистического блока с теми авторами, произведения которых там недоступны или доступны только частично. Наши финансовые возможности невелики. Издательство поддерживается американскими культурными фондами и меценатами. Но отзывы о наших изданиях, получаемые из-за Железного занавеса, говорят о том, что наша работа достигает своей цели и получает высокую оценку. За последние годы мы издали Пастернака, Мандельштама,

¹¹ Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Roman Grynberg.

¹² Друзья, бабочки и монстры. С. 545.

¹³ Там же. С. 543. Этот проект осуществился в переиздании «Приглашения на казнь» и «Защиты Лужина» под маркой фиктивного парижского издательства “Editions Victor” в 1965 и 1966 гг. Книги подпольно переправлялись на территорию СССР.

Заболоцкого, Ахматову, антологию русской философской мысли. Часть нашего тиража остается на Западе: она поступает в университетские и академические библиотеки Запада, а т[а]кже раскупается учеными славистами и часто наезжающими в Европу и Америку представителями советской интеллигенции.

На днях мы послали Вам некоторые изданные нами книги. Будем рады и благодарны, если Вы напишите нам Ваше мнение о них.

Примите наши лучшие пожелания,

Ваш [подпись: *Борис Филиппов*]¹⁴

23 апреля 1966 г., в день рождения Набокова, Вера Набокова ответила Филиппову из Флоренции (по-английски):

Многоуважаемый г-н Филиппов,

Мой муж просит меня поблагодарить Вас за Ваше письмо от 19 апреля, которое было переслано нам из Монтрё, и ответить на Ваши вопросы. Прошу извинить, что пишу Вам по-английски. У нас нет русской машинки.

Моего мужа очень увлекло Ваше предложение издать некоторые из его книг для распространения в свободном мире и за Железным занавесом. Он только что подписал соглашение с другим издательством об издании «Приглашения на казнь» (для распространения исключительно в России) и находится в процессе переговоров (с еще одним издательством) относительно русского перевода «Лолиты». Он не может принять окончательного решения до тех пор, пока не получит ответ от этого издательства, но в то же время он был бы рад, если бы Вы рассмотрели возможность совместной с этим издательством публикации романа. Я сегодня же напишу тому издателю и задам тот же вопрос. В случае, если Вы с ним захотите объединить ваши ресурсы для издания «Лолиты», я свяжу вас друг с другом.

[...]

С искренним почтением,

Вера Набокова¹⁵

Филиппов и де Лисо отказались от идеи совместного издания романа, но переписка Набокова с первым из двух относительно выпуска других его русских произведений продолжилась и только укрепила надежды Набокова на проникновение его книг в СССР¹⁶.

¹⁴ Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters from various publishers.

¹⁵ Там же.

¹⁶ 23 января 1967 г. Вера Набокова сообщила де Лисо, что получила от мюнхенского отделения «Радио Свобода» подтверждение намерения приобрести 500 экземпляров «Лолиты» в качестве первой партии, предназначавшейся для распространения в СССР (Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letter to Oscar de Liso).

Возможности переправки романа в СССР, о которых писали ему Гринберг и Филиппов, по-видимому, значительно изменили начальный подход Набокова к переводу «Лолиты», основанный на тех же принципах, которые он применил в своем русском переводе “Conclusive Evidence”, выпущенном в 1954 г. в «Издательстве имени Чехова» (эти два перевода Набокова — «Другие берега» и «Лолита» — существенно различаются по целому ряду признаков). Стиль русских сочинений Набокова, написанных в 1920–1940 гг. под псевдонимом «Владимир Сирин», отличался едва ли не нарочитым отвержением нововведенных в Советской России понятий и выражений. Все эти годы Набоков, навсегда выехавший из России в апреле 1919 г., не устал высмеивать и пародировать мешанский, газетный, угловатый, шаблонный язык советских авторов. Слог собственных произведений он стремился доводить до «зеркального блеска», до небывалой в русской литературе точности, выразительности и пластичности. Филолог и литературный критик Альфред Бем писал Р.В. Иванову-Разумнику, выехавшему в 1942 г. из СССР на Запад и незнакомому с книгами В. Сирина (письмо от 6 мая 1942 г.):

Сирин умен и знает, что для писателя нет большей беды, как очутиться вне стихии родного языка. Поэтому он создал свой особый язык, «конденсированный» — правильный, но нарочито выхолощенный, если хотите «лабораторный», но в нем есть своя прелесть — с точки зрения <правильности>, я думаю, не к чему придаться, но это язык, если хотите, «мертвый», но такой высокой языковой культуры, что невольно им любуешься, ибо это всё же мастерство¹⁷.

Редко когда в сочинениях Сирина можно было встретить «самолет» вместо «аэроплана», «кино» вместо «кинематографа», «такси» вместо «таксомотора» (эти примеры обнаруживаются в «Даре») или «машина» вместо «автомобиля». В переводе «Лолиты» Набоков совершенно отказался от языкового пуризма и постарался насытить книгу лексикой, привычной советскому читателю. Неудивительно, что некоторые старые эмигранты находили его перевод неудачным. К примеру, старинный друг и многолетний корреспондент Набокова Глеб Струве писал П.Ю. Гольдштейну (19 декабря 1977 г.): «А набоковский перевод “Лолиты” — что бы ни думать о самом романе — ужасный с литературной точки зрения, тоже, на мой взгляд,

¹⁷ Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / Публ., вступ. ст. О. Раевской-Хьюз. М., 2001. С. 170.

недостойный Набокова»¹⁸. К тому же мнению пришла русскоязычная американская исследовательница Набокова Екатерина Юнг:

Замечу, кстати, что с моей точки зрения, русский читатель (не знающий английского) до сего дня по-настоящему не имеет доступа к англоязычному наследию Набокова — да и вряд ли когда-нибудь будет иметь. Осмелюсь даже сказать, что русский перевод «Лолиты», осуществленный самим писателем, мне представляется явной неудачей. Читая этот перевод, дивишься: где сверкающий, великолепный русский язык автора таких книг, как «Дар» и «Приглашение на казнь», — и что стало с не менее блистательным английским оригиналом?¹⁹.

Иную точку зрения высказал критик Владимир Вейдле, не раз писавший о Набокове в 20–30-е гг.:

«Лолита», хоть и с легкими языковыми погрешностями, прекрасно — и для русской словесности плодотворно — переведена по-русски. О если б нынешние русские прозаики сумели внимательно ее прочесть, какую для себя извлекли бы они из этого чтения пользу! Я даже глубоко убежден, что русская «Лолита» гораздо более крупное явление русской литературы, чем английская английской (или американской)²⁰.

Проницательный Вейдле, простивший Набокову стремление модернизовать свой слог в угоду новому русскому читателю, верно указал на главное достоинство русского перевода — его плодотворность для русской словесности. Сам же Набоков, очевидно, вполне

¹⁸ Гольдштейн П. Мир судится добром. Иерусалим, 1980. С. 193.

¹⁹ Юнг Е. Независимый ад. Русское и советское в англоязычных романах Набокова // Страна и мир (Мюнхен). 1986. № 1–2. С. 162.

²⁰ Вейдле В. Первая Лолита // Русская мысль. 1977, 29 дек. С. 9. Схожую точку зрения предложил Г.А. Барабарло: «На мой взгляд, русская “Лолита” это не просто единственный в своем роде триумф чрезвычайно сложной техники перевода, но также самостоятельный шедевр русской прозы, который надлежит изучать и смаковать [...] все составляющие стиля, поддающиеся переводу, и все непередаваемые элементы композиции и замысла сошлись в форме произведения искусства самого высокого разбора и качества, что позволяет поместить русскую “Лолиту” на самую верхнюю ступень замершего эскалатора русских шедевров» (*Barabarlo G. Aerial View. Essay's on Nabokov's Art and Metaphysics. New York, 1993. P. 115–116*). Ср. также мнение А. Долинина, считающего, что русскую «Лолиту» следует рассматривать, ни много ни мало, как новую редакцию романа: «В русской прозе 20 века “Лолита” стала чудом восстановления, возрождения ее модернистской панэстетической традиции, которая была прервана трансформацией Сирина в Набокова и его советскими коллегами — Добычиним, Олешой, Платоновым, Замятиним, — которые или умерли или принуждены были умолкнуть» (*Dolinin A. Lolita in Russian // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 324*).

сознавал уязвимость своей попытки привнести в старый изощренный эмигрантский стиль новую советскую струю и не был вполне доволен результатом:

Меня же только мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн, — писал он в «Постскриптуме». — История этого перевода — история разочарования. Увы, тот дивный русский язык, который, сдавалось мне, всё ждет меня где-то, цветет, как верная весна за наглухо запертыми воротами, от которых столько лет хранился у меня ключ, оказался несуществующим, и за воротами нет ничего, кроме обугленных пней и осенней безнадежной дали, а ключ в руке скорее похож на отмычку.

Утешаюсь, во-первых, тем, что в неуклюжести предлагаемого перевода повинен не только отвыкнувший от родной речи переводчик, но и дух языка, на который перевод делается (с. 296).

Вполне сознавал он и то обстоятельство, что его перевод вызовет раздражение в кругу эмигрантов, «в общем предпочитающих Лескова» (как он писал в «Постскриптуме»), и новую волну обвинений в непристойности, излишней усложненности повествования и собственно слога («В напечатанном виде эта книга читается, думаю, только в начале двадцать первого века [...]»), — прозорливо замечает в романе Гумберт Г.).

Тот высокий тон, который задается выпрепленным началом романа: «Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя» — вызывал у русского читателя ложное впечатление, что перед ним поэтичная любовная повесть (впечатление, поддержанное в первой же главе отсылками к «Аннабель Ли» Эдгара По), орнаментальное повествование, выдержанное в высоком романтическом стиле. Но тут же открывавшаяся ему лексическая и стилевая эклектичность романа склоняли скорее к мысли о пастише, в котором даже имя Тристана служит каламбурной игре слов: «Тристан и три женских стана на кино» (гл. 25, Ч. II)²¹. В отличие от оригинала с его более однород-

²¹ Как превосходно пишет Борис Аверин в своем предисловии к роману: «Стиль первой фразы — высокий, патетический, отсылающий к Песни Песней. В ней задано и основное противопоставление: “Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел”. Вторая фраза усиливает контраст: “Грех мой, душа моя”. Третья фраза свидетельствует о том, что “Лолита” — это просто слово, которое можно произнести по слогам, и тогда язык будет двигаться сверху вниз, по небу к зубам. В этой фонетическо-физиологической сфере верх и низ снова фиксируются; фиксация тем более настойчива, что “небо” и “нёбо” — одного корня. И то же движение вниз — в развитии стилевого рисунка. Начавшись библеизмами, повествование уже в третьем абзаце переходит на разговорный тон: “А предшественицито у нее были? Как же — были...” — чтобы вскоре же обернуться сказочно-стилизованно-литературным: “В некотором царстве у моря (почти как у По)”» (Аверин Б.В. О некоторых законах чтения романа «Лолита» // Набоков В. Лолита. СПб., 2005. С. 14–15).

ной и естественной лексикой (хотя бы в силу того, что американизмы, школьный сленг и технические термины в нем переданы с долей научного любопытства самого повествователя, филолога-иностранца Г.Г., внутри романной структуры и писателя-иностранца Набокова вне ее), перевод, в котором соседствовали «чресла» и «стартер», «обшлаг» и «брекфаст», «услуга» и «шина» (««Шина капут, мистер», весело сказала моя добрая девочка», причем в оригинале сказано лишь: «“You got a flat, mister”, said cheerful Lo», гл. 19, Ч. II²²), «прикащик» [sic] (гл. 3, Ч. II) и «сифонщик», «снедь» и «кока-кола» (и «чипсы»), «днесь» и «оки-доки», «уралист» и «детектив», «ферт» (франт) и «ранчор», «дантист» и «супермен» («Супермен в голубой пелерине», гл. 25, Ч. I, причем в оригинале сказано так: «one of those blue-caped star-men», т.е. «один из тех звездных людей в синих плащах»), «околодок» [sic] и «район», «лавка» и «супермаркет», — требовал весьма чуткого и подготовленного читателя, хорошо разбирающегося в исторических стилях русского литературного языка, нормах стилистического употребления, приемлемости или неприемлемости тех или иных заимствований (в переводе, к примеру, не используются слова «джинсы» и «кеды», Набоков пишет: «Она была [...] в синих ковбойских панталонах и полотняных тапочках», с. 31), знающего толк в различных повествовательных формах и приемах и умеющего ценить оригинальные авторские поиски новой поэтики и производимый этими поисками художественный эффект.

На что в первую очередь мог обратить внимание начитанный русский читатель, сравнивая набоковский перевод романа с оригиналом, с его русскими сочинениями и с «Другими берегами»? Прежде всего на обилие бытовавших в Советской России терминов, на неожиданное для старого эмигранта преобладающее написание «Бог» и «Господь» со строчной буквы (в «Других берегах» эти слова пишутся с прописной) и на стремление переводчика заменить французские и другие иностранные слова и выражения (понятные старой эмигрантской аудитории без пояснений) русскими эквивалентами, причем все эти особенности менее заметны в начальных и усиливаются в более поздних главах романа (и в его опубликованном тексте в сравнении с рукописью перевода). Так, в оригинале романа (и в рукописи перевода) в гл. 2, Ч. I название гостиницы дано по-французски: «Hôtel Mirana», а в опубликованном тексте: «гостиница Мирана Палас»; в первой стихотворной строке пародии

²² Цитаты из английского оригинала «Лолиты» приводятся по изданию: *Nabokov V. The Annotated Lolita / Ed., with Preface, Intr. and Notes by Alfred Appel, Jr. New York et al., 1991.* Далее страницы настоящего издания приводятся в тексте.

Гумберга на Т.С. Элиота (гл. 5, Ч. I): «Пускай *Fräulein von Kulp...*», а в опубликованном тексте: «Пускай фрейляйн фон Кульп...» (с. 7); вместо «*posé un lapin*» в гл. 6, Ч. I — «никого не надула» (с. 13); вместо «*français moyen*» в следующей главе — «средний француз», и т.д. и т.п. Кроме того, Набоков составляет и прилагает к роману отдельным списком «Перевод иностранных терминов», без которого значение многих слов и выражений осталось бы для советского читателя тайной. В иных случаях Набоков упрощает текст на стадии машинописной копии или корректуры. К примеру, в рукописи перевода гл. 6, Ч. I, где Набоков точно следует оригиналу: «Помнится, брел я как-то подвечер [sic] в серую весеннюю погоду по оживленной улице где-то около Маделэн». Но в опубликованном тексте читаем: «Помнится, брел я как то [sic] подвечер [sic] по оживленной улице, весною, в центре Парижа» (с. 12). В отношении слов «Бог» и «Господь» в начале рукописи перевода преобладает написание с прописной буквы («Ей[-]Богу», гл. 5, «не дай мне Бог», гл. 6, «слава тебе [,] Боже», гл. 13), но затем, как положено советскими нормами, эти слова пишутся преимущественно со строчной («на-счет моих отношений с господом богом», «в нашего христианского бога», гл. 18, «Ты бог знает что могла оттуда увидеть», гл. 20, «Чету Фарло, слава богу, она не знала», гл. 25 и т.д.). Сверх того в рукописи перевода имеется специальная пометка: «“господь” и “бог” всюду должны быть с маленькой буквы» (это указание исполняется на стадии правки рукописи, но не очень внимательно, отчего в опубликованном тексте встречается написание этих слов как с прописной, так и со строчной букв). То же следует сказать в отношении транслитерации английских терминов, названий и имен собственных. Имя Лесли Томсона сначала передавалось как Лезли (в начале гл. 20, Ч. I опубликованного текста — «Лезли», а в конце этой же главы — «Лесли», с. 70 и 77 соответственно); слово «Hollywood» сначала транслитерировалось как «Холливуд» (гл. 11, Ч. I, с. 38), затем как «Голливуд» (гл. 21, Ч. I, с. 78; гл. 7, Ч. II, с. 167; гл. 15, Ч. II, с. 189); «girl-scout» (гл. 8, Ч. I) передается как «гэрль-скаут» (с. 21), а затем смягчение буквы «л» исчезает, и Набоков пишет «гэрл-скаут» (гл. 18 и гл. 27, Ч. I), а в гл. 29, Ч. I написание окончательно устанавливается по советской традиции: «герл-скаутских костров» (с. 119, в рукописи перевода: «герлскаутских»). Выражение «*wayward child*» Набоков передает не как «вэйвард чайльд», а по советской традиции передачи «w» с гласными буквами как «у»: «уэйвард чайльд» («непутевое дитя», гл. 5, Ч. I), слово «*waterproof*» передано как «уотерпруф», а не «вотерпруф» (гл. 20, Ч. I), но наряду с этим он

пишет «Вальтер Дисней» (гл. 27, Ч. I). То же относится к фамилии Куильти (Quilty): в начале рукописи перевода его имя еще пишется как «Квилти» и «Квилти» (гл. 8, Ч. I), но затем всюду исправляется на «Куильти» (тогда же имя матери Лолиты транслитерируется, как «Хэз», «Хэйз» и «Хэйзиха», имя Мак-Ку как «Мэк Ку»). Вследствие перемены способа транслитерации имени антагониста в рукописи перевода возникли по меньшей мере две новых версии игры слов.

а) Новый вариант зашифрованного послания Моны (гл. 19, Ч. II). Сначала Набоков сочинил такие строки: «Задумался поэт[,] посланье намаракав[,] : чего тут больше: букв иль типографских знаков[?]» Из подчеркнутых (Набоковым) букв складывается имя «Квилти», однако позднее, когда это имя было исправлено на «Куильти», криптограмма была переписана так (ближе к французскому тексту в оригинале романа: «Ne manque pas de dire à ton amant, Chimène, comme le lac est beau car il faut qu'il t'y mène», p. 223)²³:

Пусть скажет озеро любовнику Химены,
Что предпочесть: тоску иль тишь и гладь измены.

Вместо подчеркивания в опубликованном тексте романа буквы выделены жирным шрифтом, причем выделение ошибочно начато с буквы «с»: «тоску **иль** тишь» (с. 204). Отставленного варианта с характерным просторечным глаголом «намаракав» тем более жаль, что он — умышленно или нет — отсылает к раннему варианту строки Пастернака в стихотворении «Нобелевская премия» (1959), которое Набоков спародировал в том же году в стихотворении «Какое сделал я дурное дело...»: «Что ж посмел я намаракать, / Пакостник я и злодей?»²⁴ О.В. Ивинская пишет, что Пастернак показал этот вариант стихотворения иностранному корреспонденту сразу после того, как сочинил его. Если вариант с «намаракав» стал известен Набокову ко времени перевода «Лолиты», то это означает, что он намерен был включить в него эту завуалированную ироничную отсылку к «Нобелевской премии» и противопоставить свою «Лолиту» «Доктору Живаго», тем более что он уничижительно высказался об этом романе в «Постскриптуме» к «Лолите»: «Зарубежные же русские запоем читают советские романы, увлекаясь картонными тихими донцами на картонных же хвостах-подставках или тем лирическим доктором

²³ В оригинале Мона повторяет ключевое место стиха: «Qu'il t'y».

²⁴ *Ивинская О.В.* Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М., 1992. С. 347.

с лубочно-мистическими позовами, мещанскими оборотами речи и чаровницей из Чарской, который принес советскому правительству столько добротной иностранной валюты» (с. 298).

б) Совершенно иное название упомянутой в «Предисловии» Джона Рэя биографии Куильти, написанной его соавторшей Вивиан Дамор-Блок (анаграмма «Владимир Набоков»). В английском оригинале романа биография драматурга Клэра Куильти носит название «Му Сие» («Мой Кью» или «Моя реплика»), обыгрывающее английское значение слова «сие», реплика, — так сокращенно звали его друзья — Сие. В первом варианте «Предисловия», сделанном, по-видимому, Верой Набоковой в первой тетради рукописи перевода (во всяком случае, текст написан ее рукой, с ее правками), к названию книги предложены такие версии: «Каким я знала Квильти», «Кви — ты» (обыгрывающее французское «qui» — кто и подразумевающее вопрос: кто ты?), каламбурное «Квиты» (также с французским источником, если вспомнить этимологию слова «квит» — от *фр.* *quitte* — ничего не должен) и, наконец, менее загадочное: «Моя реплика». В последовавшем за черновиком «Предисловия» беловике этого перевода (на отдельных страницах) Набоковы отказываются от каламбурных вариантов с именем «Квильти» (которое к этому времени уже транслитерируется как «Куильти») и находят иное, французское, название: «Мон Сас», которому дается пояснение в скобках: «(Мой К. или Мой Казус)». Хотя «cas» и «казус» созвучны, они плохо вяжутся с именем «Куильти», а «Мон Сас» (т.е. мой случай, моя история) звучит слишком отвлеченно, поэтому Набоков отказывается от него, и в книге появляется окончательный, вновь каламбурный, вариант названия-портманто, внесенный уже, по-видимому, на стадии корректуры: «Кумир мой» (с. [ii]), который по замыслу Набокова прочитывается внимательным читателем не только как «Ку — мир мой», но и как «К. ум[е]р мой».

Некоторые транслитерации в переводе, однако, остаются или неустоявшимися, или не исправленными на более поздних стадиях подготовки книги. Например, в гл. 16, Ч. II: «сыне-бейсболисте» (с. 194), но в гл. 26 той же части: «бэзболисты» (с. 239); в гл. 25, Ч. I: «Озеро Клаймакс», а в гл. 32 той же части — «Озеро Климакс» (с. 93 и 122 соответственно), причем в рукописи имеется пометка: «озеро Климакс, а не Клаймакс!»; название университетского городка изначально было написано «Бирдзлей», но к этому месту позднее появилась приписка: «Как — художник? Бердслей? Check Russ[ian]» (т.е. «проверить русское написание»), и затем оно всюду было исправлено.

Выбор лексики зачастую также совершается в пользу советского словаря. В переводе возникают прямые советизмы или недавно усвоенные в СССР неологизмы и вошедшие в употребление слова и термины. К примеру, выражение «zoot-suiters with trumpets» Набоков переводит как «стиляг с саксофонами» (гл. 2, Ч. II, с. 138)²⁵; встречаются такие советские изобретения: «гейзовским рыдваном с его беспомощными “дворниками”» (гл. 27, Ч. I, с. 103), причем в письме к Бертррану Томсону от 21 марта 1965 г. Набоков отметил, что технический термин «windshield wipers [стеклоочистители] можно либо передать фразой из сорока букв, либо выбирать между “лапками”, “дворниками” и “близнецами” — всё это вульгаризмы, используемые в СССР»²⁶; «электрический холодильник» (хотя попадаетея и «рефрижератор», с. 39, и «*рефрижератор*», с. 65), «унитаз» — название европейского акционерного общества “Unitas” (*лат.* единство), выпускавшего ватерклозеты с начала XX в., переоформленное в СССР в повседневной речи в результате сближения с «таз» (это слово Набоков, кажется, нигде больше не использовал)²⁷, причем этот новый термин в переводе романа комично соседствует с коммуникативным архаизмом: «Не кладите никакого (подчеркнуто) ненужного материала в унитаз. Благодарствуйте» (с. 191–192); «наручные часики» (на страницах рукописи перевода прямо отмечено, что «наручные» — это советское словцо); «косметика» («проливала потоки слез, окрашенные радугой ее косметики», гл. 8, Ч. I), причем в рукописи перевода изначально было написано «ее грима» — обычное у Набокова слово для «make-up»; наряду с привычным для словаря Набокова «припадком» трижды появляется «приступ» («сердечного приступа», «с приступом тошной боли», «приступ отвратительной тошноты», причем в одном месте рукописи «припадок» вычеркнут и заменен на «приступ» с пометкой: «приступ — soviet»), «плавки» (гл. 2, Ч. II, с. 144, но есть и

²⁵ «Стиляга — разг., неодобр. Молодой человек, отличающийся склонностью к вызывающе модному стилю одежды, прически, а также манерами и вкусами, не соответствующими общепринятым» (*Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 586).

²⁶ Цит. по: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб., 2010. С. 584–585.

²⁷ Набоков обыкновенно писал «ватерклозет» или сокращенно «клозет» по принятому в России до революции значению. В «Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» (1907) М. Попова: «отхожее место, устроенное так, что все нечистоты промываются водой, так что при этом исполняются предписания гигиены и сохраняется постоянная чистота»; в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1910) А. Чудинова: «Отхожее место с водоочищающим аппаратом». Примечательно, что в гл. 10 и в гл. 16, Ч. I он не использовал еще этого термина, а написал так: «мохнато-розовая попонка, жеманно покрывавшая доску клозета» (с. 28) и «разорвали это письмо, и его куски (неразборчиво) в водоворот клозета» (с. 56).

«купальные трусики», гл. 21, Ч. I; в «Других берегах» слово «плавки» не используется, ср.: «грязные от ила купальные трусики», гл. 14, подгл. 3), «лифчик» (советское уменьшительное от «лиф»), «рабочий комбинезон» (гл. 29, Ч. II), «стильный кафетерий» (в рукописи сперва было написано «стильную кофейню», но исправлено и помечено: «кафетерий — soviet word»: «хорошеньким уголком для первого завтрака, отделанным под стильный кафетерий», гл. 18, Ч. I, с. 65), «кино» и даже «кинопрограммы» (гл. 27, Ч. I), «кинокомедии» (гл. 22, Ч. II), хотя в начале перевода (гл. 2) находим «кинематографической актрисы» (позднее, в гл. 16, уже «киноактрисы»). Речь Лолиты порой окрашена в тона советского молодежного жаргона, например: «Предлагаю похерить игру в поцелуи и пойти жрать» (гл. 27, Ч. I), «А я считаю, что вы свинюги» (гл. 11, Ч. I), «Вот умора! Когда это вы в маму успели вторгнуться?» (гл. 27, Ч. I) и т.д. На страницах рукописи перевода можно найти такие пометки рукой Веры Набоковой: «свериться с советским словарем», вследствие этого в переводе возникает, например, «бензоколонка» (гл. 16, Ч. II, с. 193), хотя раньше находим «бензиновый пункт» (гл. 32, Ч. I, с. 126), и «застежка-молния» (с. 196), хотя в набросках продолжения «Дара», написанных, по всей видимости, уже в Америке в начале 1940-х гг., Набоков вычеркивает слово «молнией» в предложении «с молнией рубашка» и пишет «с зыпом» (от *англ.* zip). Вера Набокова помечает на страницах рукописи перевода: «как по-русски произносится Бедеккер, Галсворти?», «“затяжных” — soviet» (в рукописи перевода: «начиная с первых гимназических обнимок затяжных поцелуев»; в опубликованном тексте оставлено «затяжных», с. 68) и т.д. Встречаются и такие выражения, которые Набоков впоследствии называл вульгарными, как, например, «трясемся над каждым заветным вершком их нимфетства» (гл. 18, Ч. II, с. 203), причем в английском оригинале «Лолиты» сказано лишь: “while we, old lovers, treasure every inch of their pumphancy” (т.е. «пока мы, старые любовники, боготворим каждый вершок их нимфетства»). В романе «Взгляни на арлекинов!» (1974) русский герой-эмигрант отмечает использование этого выражения советской «Ди-Пи» Нинель Ильиничной (нареченной в честь Ленина), которой был свойственен «“сдобный” советский говорок и провинциальный лексикон»: «Мучительная нежность, которую я всегда испытывал к Аннетте, приобрела новую остроту из-за моих чувств к нашей малютке (я над нею “трясся”, как Нинелла называла мое отношение к ней на своем вульгарном русском [...])»²⁸.

²⁸ Набоков В. Взгляни на арлекинов! / Пер., примеч. А. Бабинова. СПб., 2016. С. 149. Не исключено, что Набоков в «Арлекинах» намекает на строчку «Над рукописями трястись» в стихотворении Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» (1956).

Всё это свидетельствует, конечно, не только о том, что Набоков пытался «привить-таки классическую розу» своего стиля к «советскому дичку» (если вспомнить стихи Ходасевича 1925 г.), но и о том, что многие бытующие в СССР слова и выражения он находил удачными или хотя бы допустимыми для русского перевода «Лолиты» в середине 1960-х гг.

2

Со всем тем, русская версия «Лолиты» не могла произвести того впечатления на советского читателя, на которое, очевидно, рассчитывал Набоков. Вернее сказать, его переводческая стратегия была намного более сложной и не ограничивалась стремлением потрафить далекому и почти эфемерному русскому интеллигенту конца 1960-х гг., читателю переводного Хемингуэя («современный заместитель Майн-Рида», как замечает ревнивый Набоков в «Постскриптуме») да «ничтожных» Фолкнера и Сартра, «этих баловней западной буржуазии» (там же). Основным словарем перевода оставался тот столичный изысканный русский язык, который Набоков вывез из России и продолжал изучать и совершенствовать не только все двадцать лет европейской эмиграции, но и последующие годы в Америке. Кроме того, за прошедшие после революции десятилетия более утонченный в сравнении с московским петербургский стиль конца XIX — начала XX вв., восприимчиком которого был Набоков, практически утратил влияние вместе с утратой Петроградом столичного статуса и европейского лоска. Парадоксальным образом перевод с английского делался Набоковым не на современный, а на утраченный к тому времени в России русский язык, и в самом холодноватом, рациональном, рафинированном слоге русской версии «Лолиты» сквозила та вполне «заграничная» русская культура, которая к середине 1960-х гг. была практически истреблена в СССР и к которой ничтожное число уцелевших ее носителей не могло уже приобщить советского читателя. В опубликованном тексте «Лолиты» сохранились следы не только богатого сирийского слога 1920–1940-х гг. с его излюбленными словечками: «дивный», «баснословный», «употительный», «карминовый», «жовиальный», «зачарованный», «рубчатый», «прыщущий», «фасонистый», «ощеренный», «досужий», «пленительный», «долголягая», «снедь», «абрис», «отроковица», «оконница», «мурава», «дартуар», «улещивать», «сноситься», «залучить» и т.д., но и старого дореформенного правописания, следы которого встречаются несравнимо реже уже в первом книжном из-

дании «Дара» (1952): «безсовестно», «безпардонно», «безпокоить-ся», «соседняго», «бесстыдныя», «разсудок», «низьменный», «догла», «официальный», «официант», «корридор», «шеколадный», «к чорту», «галстух», «кафэ», «турнэ», «аттаковал» и «аттака», «уехал-ли», «нет-ли», «видите-ли», «может-быть», «на-днях» и т.д. Готовя книгу для американской «Федры» и не имея ни русского редактора, ни корректора, Набоков мог полагаться лишь на себя и свою жену, и обилие опечаток и прямых ошибок в опубликованном тексте, а также исправлений описок в рукописи перевода только убеждает в том, что при более тщательной работе над ним сократилось бы и число старых форм и выражений.

Но русского читателя даже сильнее дореволюционного правописания мог бы озадачить переводческий выбор некоторых слов и оборотов, особенно в свете заявления Набокова, что его цель состояла в том, «чтобы моя лучшая английская книга — или скажем еще скромнее, одна из лучших моих английских книг — была правильно переведена на мой родной язык» (курсив мой. — А.Б.), и что он гордится тем, «что железной рукой сдерживал демонов, подбивавших на пропуски и дополнения» («Постскрипtum к русскому изданию», с. 298–299).

Так, к примеру, в гл. 9, Ч. I читаем: «Подкупив сестру, я получил доступ к архивам лечебницы и там нашел, не без смеха, фишки, обзывавшие меня “потенциальным гомосексуалистом” [...]» (с. 25). В оригинале используется слово «cards» (т.е. формуляр, регистрационная или, по-советски, учетная карточка), но Набоков избирает редкое словцо, давно вышедшее из употребления: «фиша» или «фишка» (*фр.* *fiche*) в значении «регистрационная или учетная карточка» (отмечено в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» Н.И. Епишкина, 2010), которого не найти ни в Словаре Ушакова (1935–1940), ни тем более в Словаре Ожегова (1949; 4-е доп. изд. — 1960).

В гл. 8 той же части о Валерии: «влажный рот [...] обнаружил свое мизерное сходство». «Мизерный» здесь не в первом значении (маленький, незначительный), а во втором — бедный, жалкий (отмечено в Словаре Ушакова), причем в оригинале нет прилагательного: “disclosed ignominiously its resemblance” (т.е. постыдно / бесчестно обнаружил свое сходство).

Там же английское предложение “That solemn pool of alien urine [...]” переведено как «Эта торжественная лужа захожей урины [...]»: для нейтрального «alien» (чужой, пришлый) Набоков применяет облатное слово — в данном случае скорее ради выразительности, чем с целью озадачить читателя.

В гл. 28, Ч. I: «кто-то сидел в одном из кресел между колоннами перрона», причем Набокову не было никакой нужды изыскивать специальный архитектурный термин для описания гостиницы, поскольку в оригинале сказано лишь: “sitting in a chair on the pillared porch” (т.е. сидел в кресле на террасе с колоннами); слово «перрон» в том значении, которое использовал Набоков, еще можно найти в Словаре Ушакова («низкая каменная терраса со ступеньками, примыкающая к зданию (архит.)»), но в Словаре Ожегова его уже нет (в рукописи перевода изначально было: «кто-то сидел в одном из плетеных [кресел] на открытом многоколонном крыльце»).

В той же главе: «ежели не считать отессы (увядшей женщины с характерной для отесс стеклянистой улыбкой [...])» (с. 112). Едва ли русский читатель 1960-х гг. мог знать, что «отесса» — старый галлицизм, означающий хозяйку табльдота в отеле, и представить себе род ее занятий и наружность. Точно так же он мог неверно понять род научных занятий «д-ра философии» Джона Рэя, автора «Предисловия». Английское сокращение “Ph.D.” (от *lat.* *Philosophiae doctor*) — ученая степень, присуждаемая в западных странах без указания специальности и к философии имеющая лишь историческое отношение. На самом деле «д-р философии» Рэй, по всей вероятности, психолог или психиатр, автор труда «Можно ли сочувствовать чувствам». Сообщаемые им в «Предисловии» сведения совершенно ненадежны (премии «Полинга» не существует, «далекого северо-западного поселения Серая Звезда» не найти на карте) и наводят на мысль, что «Джон Рэй» (John Ray, Jr.) — еще одна маска Гумберта Гумберта (Humbert Humbert), который «думал стать психиатром, как многие неудачники» (гл. 5, Ч. I) и не случайно подписывается в книге постояльцев гостиницы «доктор Эдгар Г. Гумберт» (гл. 27, Ч. I). В романе к этому предположению имеется немало более и менее очевидных подсказок. Главная из них даже не скрывается автором: Рэй сообщает, что «каждый год не меньше 12% взрослых американцев мужского пола, по скромному подсчету, — ежели верить д-ру Бианке Шварцман (заимствую из частного сообщения) — проходит через тот особый опыт, который “Г.Г.” описывает с таким отчаянием» (с. [ii]). Удивительное совпадение: в гл. 11, Ч. I «Г.Г.» пишет: «Не сомневаюсь, что доктор Биянка [sic] Шварцман вознаградила бы меня целым мешком австрийских шиллингов, ежели бы я прибавил этот либидосон к ее либидосье» (с. 43). Причем оба замечания, Рэя и Г.Г., сближаются посредством тонкого штриха — употребления союза «если» в просторечной форме «ежели».

В гл. 18, Ч. I: «в ужасном предвкушении ванны из экру» (*фр.* éсru — неокрашенный), т.е. цвета неотбеленного шелка или льна (с. 66).

В гл. 2, Ч. II: «по выражению блазированной Ло» (от *фр.* blasé — пресыщенный).

Еще более замысловатый термин находим в гл. 30, Ч. I: «яркие пузырьки гонадального разгара» (с. 120). В оригинале «gonadal», но в русском языке принято «гонадный», от «гонад» — органы животных, продуцирующие репродуктивные клетки — гаметы.

В гл. 1, Ч. II: «тебя проанализируют и заинтернируют» (с. 134) — «интернированием» юристы изредка называли превентивное лишение свободы социально опасных личностей.

В гл. 3, Ч. II иронично употребляется термин западной психологии, неизвестный советскому читателю (в Словаре Чудинова, 1910, он приводится вне связи с психологией: «подарок, награда, удовлетворение»): «повез свою Лолиту на берег моря и там бы нашел по крайней мере “грагификацию” давнего позыва» (с. 150).

В той же сложной и насыщенной главе: «Я, правда, старался выбирать хижины подешевле; но то и дело бюджет наш трещал от стоянок в шумных отелях-люкс или претенциозных “дудках” (псевдоранчо для фатов)» (с. 157). «Дудки» ничего не скажут советскому читателю без пространных пояснений. Это слово должно указывать на реальный термин, применяемый в Америке к такому типу постоя, и в оригинале именно такой термин и употреблен: “pretentious dude ranch”. Однако выражение “dude ranch” (впервые отмеченное в 1921 г.), которое образовано от нью-йоркского разговорного “dude” (изначально «хлыщ», «франт», «пижон», позже «горожанин с восточного побережья, приезжающий на каникулы на Запад»), нельзя перевести как «дудка» (музыкальный инструмент, по-английски “fife”), скорее как «ранчо для бахвалов» — это и есть ранчо, приспособленное для приема состоятельных отдыхающих, или пансионат с обучением верховой езде и другими развлечениями на вольном воздухе. Набоков мастерски придумывает для слова “dude” русский разговорный эквивалент — «дудка», подразумевая значение слова «фат» — «самодовольный франт, нахал, пустой человек» (Словарь Чудинова, 1910), т.е. «пустой», как дудка, «пустышка». Затем он проецирует найденный им эквивалент на целое понятие (dude ranch), подчеркивая его неформальные коннотации. Но этим он не ограничивается. «Дудки», очевидно, призваны служить одним из нескольких пропущенных Гумбертом намеков в отношении его преследователя и будущего похитителя его нимфетки: это слово

напоминает название сгоревшего роскошного ранчо Куильти — «Дук-Дук» (в оригинале “Duk Duk Ranch”), которое возникает лишь в гл. 29, Ч. II: «А как называлось ранчо? — спрашивает Г.Г. Лолиту в ее коулмонтской лачуге. — Ах, очень глупое название: Дук-Дук — ничего не значащее слово (ну это положим...)»²⁹.

В гл. 20 той же части: «не считать за финту нимфетки веселое равнодушие к исходу игры» (с. 213). Советскому читателю было известно слово «финт» в мужском роде: «1. Хитрая уловка (прост.). 2. В спорте: обманное движение, ложный выпад» (Словарь Ожегова), но едва ли он знал его в женском роде: «финта́», от итальянского “finta” — притворство, выдумка. Еще менее доступно ему было значение слова «геркуланита» (в гл. 35 той же части: «избегайте употреблять геркуланиту с ромом»), которого не найти ни в одном словаре и которое, как указывает Альфред Аппель, означает «очень мощную разновидность южноамериканского героина» (р. 449).

В гл. 17 той же части: «[...] прислал мне, с одним из своих катамитиков, медный ларец: по всей крышке его шел сложный восточный узор, и он весьма надежно запырался на ключ. Мне было достаточно одного взгляда, чтобы узнать в нем дешевую шкатулку для денег, зовущуюся почему-то “луизетта”, которую мимоходом покупаешь где-нибудь в Малаге или Алжире [...]» (с. 196). Если со словом «катамит» русский читатель, покопавшись в латинском словаре и вспомнив «Тень Филлиды» М. Кузмина, мог бы совладать, то «луизетта» осталась бы дразняще-неясной. Что это за медная шкатулка, у которой есть определенное название и тип которой можно определить «с одного взгляда»? В примечаниях к английскому тексту романа Альфред Аппель пишет, что это слово — неологизм Набокова, произведенный от *louis d'or* (р. 411). А. Долинин, развивая это соображение в своих комментариях к роману, сообщает, что «луизетта» — «контаминация “луидора” с “береттой” (маркой пистоле-

²⁹ «Дук-Дук» имеет вполне определенное значение — тайный мужской союз в Центральной Меланезии: «С чисто анимистическими [...] верованиями связан особенно союз Дук-Дук (название это от слова “дука”, что значит дух умершего). Члены союза, появляясь в страшных нарядах и масках, изображают собой духов и запугивают непосвященных, вымогая у них “деньги” (снизки раковин) и прочие ценности. Выступления Дук-Дука происходят раз в год и длятся около месяца, после чего маски уничтожаются и считается, что “Дук-Дук умер”. Во главе союза стоит Тубуан. Его роль исполняет самый богатый и влиятельный человек в племени, и пользуется он ею деспотически и своекорыстно. Тубуан считается духом женского пола, который никогда не умирает и ежегодно порождает Дук-Дуков» (*Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. 4-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 80). В гл. 18, Ч. II Куильти приходит ночью к одурманенному Гумберту (снотворное ему подложила, очевидно, Лолита), «держа перед лицом маску».

та)»³⁰. Однако, оставив франко-итальянские догадки и обратившись к словарям, можно установить, что этот термин имеет вполне определенное происхождение — от названия нового типа гильотины, изобретенной хирургом Антуаном Луи в 1792 г. (и прозванной по его имени “Louissette”), — так некоторое время называли саму машину для обезглавливания³¹. Следовательно, название медной шкатулки оказывается, по-видимому, не более чем исторической аллюзией и должно было напомнить Гумберту о неотвратимости наказания за его тяжкое преступление. Не понявший этого любитель маленьких девочек, тем не менее, невольно активизирует зловещее значение «луизетты», поскольку использует ларец для хранения пистолета (кольта) — орудия своей казни.

Затруднение у русского читателя могли вызвать и другие многочисленные исторические аллюзии, не получившие разъяснения в русской версии романа. Так, в гл. 29, Ч. I Гумберт, усыпив нимфетку, стоит в номере гостиницы у края постели со спящей Лолитой и готовится совершить свое злодеяние: «Минуты две я стоял, напряженный, у края, как тот парижский портной, в начале века, который сшив себе парашют, стоял, готовясь прыгнуть с Эйфелевой башни» (с. 114). Комментарии к роману это место не поясняют, а между тем оно не только очерчивает широкий исторический фон «Лолиты» и показывает набоковский метод оперирования точными фактами, не только глубже раскрывает образ Г.Г., но и дает ответ на следующее его замечание в 29-й же главе второй части (едва ли случайная симметрия): «французские фразы, крупные костяшки дорсетского крестьянина, приплюснутые пальцы австрийского портного — вот вам Гумберт Гумберт» (с. 254). «Парижский портной» в первой части романа и «австрийский портной» во второй — одно лицо. В конце книги, вновь встретившись с Лолитой, теперь беременной и замужней, Г.Г. смутно вспоминает того самого несчастливого портного, с которым он себя ассоциировал в самом начале их долгого путешествия по Америке. Речь идет о действительном событии. Прыгал с башни и насмерть разбился австриец Франц Райхельт, переехавший в Париж из Вены в 1898 г., портной, сшивший костюм-парашют. Его трагиче-

³⁰ Долинин А. Комментарии // Набоков В. Лолита. М., 1991. С. 390. Без изменений повторено и в новом издании: Долинин А. Комментарии // Набоков В. Лолита. СПб., 2015. С. 420. А. Люксембург в своих комментариях к роману столь же малоубедительно сообщает, что «луизетта — придуманное слово, образованное от “луидора” [...] (впрочем, это слово может иметь и значение пистолет)» (Люксембург А. Комментарии // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 634).

³¹ Kishlansky M., Geary P., O'Brien P. Civilization in the West. 7th Ed. New York et al., 2008. P. 604.

ский прыжок был запечатлен в документальной ленте 1912 г. (British Pathé), в которой показано, как он действительно долго, около минуты, медлит, стоя на перилах ограждения, перед тем как сделать шаг.

Список редких, устаревших или труднонаходимых слов, терминов и имен можно продолжить, но и приведенных примеров довольно для того, чтобы сделать вывод: Набоков, хотя и наполнил свой перевод советской лексикой, вовсе не стремился превратить роман в «легкое чтение» и точно так же, как английского, заставлял хорошего русского читателя трудиться и добывать верные значения. В рукописи перевода можно найти места, изначально изложенные еще более замысловато, чем в опубликованном тексте.

Так, в гл. 8, Ч. I в оригинале имеется сложное место: “Although I told myself I was looking merely for a soothing presence, a glorified *pot-au-feu*, an animated merkin, what really attracted me to Valeria was the imitation she gave of a little girl” (p. 25). Дословный перевод: «Хоть я говорил себе, что я ищу только успокоительного присутствия, превознесенного *pot-au-feu*, оживленного искусственного влагалища [лобковой накладки], то, что на самом деле прельщало меня в Валерии, — это ее имитация маленькой девочки».

Рукописный перевод Набокова (чернила, правка чернилами и карандашом): «Хоть я говорил себе что я мне всего лишь ~~ншу~~ ~~надобно~~ нужно сублимированное *pot-au-feu*, искусственную живулю ~~со скважинкой с отверстием с прорешкой~~, однако то, что мне нравилось в ~~Ва~~ Валерии — это ее ~~подражание~~ ~~изображение~~ имитация ~~имитирование?~~ маленькой девочки».

После правки: «Хоть я и говорил себе[,] что мне всего лишь нужно сублимированное *pot-au-feu* и живые ножны, однако то, что мне нравилось в Валерии — это была ее имперсонация маленькой девочки».

Опубликованный вариант: «Хоть я говорил себе, что мне всего лишь нужно сублимированное *pot-au-feu* и живые ножны, однако то, что мне нравилось в Валерии [-] это была ее имперсонация маленькой девочки» (с. 16). Машинистка пропустила союз «и» и тире после «Валерии». Одно это короткое предложение требует развернутого комментария. Набоков использует слово «сублимировать» в значении «возносить, возводить низшее к высшему, культивировать» (с обычной его издевкой над терминологией Фрейда) — в том же смысле и так же иронично оно употреблено в гл. 18, Ч. I в отношении Шарлотты: «С самозабвением пошлейшей “молодой хозяйки” она принялась “сублимировать домашний очаг”» (с. 66). Однако в оригинале использовано не “sublimated”, а совсем другое слово — “glorified”.

Набоков отбрасывает (или пропускает по недосмотру) «успокоительное присутствие» (“soothing presence”), а для редкого термина “merkin” (лобковая накладка из искусственных волос или — реже — искусственное влагалище) находит прозрачный и звучный эвфемизм с подходящей этимологией — живые ножны (*лат. vagina* — ножны), причем сначала он выбрал для перевода другую пару с аллитерацией (отсутствующей в оригинале) — «живуля с прорешкой» и «живуля со скважиной», но затем отверг устаревшее слово «живуля» (кукла). Об этом слове В. Даль писал следующее: «Живуля, в народе, нечто полуживое, или, по движеньям своим, подобное живому. Этого мало: слово это не только не выдуманно мною, оно даже в самом значении своем, как автомат, взято из уст народа: мужик рассказывал, что видел живуль [...] куклу, четверти в три, и бегаёт она сама, одна, на кругах»³². Наконец, для обычного “imitation” избирается редкое «имперсонация», в русской литературе практически не используемое и в указанных русских словарях не отмеченное.

Помимо редких слов, старых форм правописания и транслитерации, галлицизмов и специальных терминов переводу придавали стойкий антисоветский налет американизмы и обычные английские слова («резигнация», «окэй», «оки-доки», «инн», «мотель», «пушбол», «драйв», «пэпер-чэс», «комиксы», «ильмы», «шериф», «фунты» и «мили» и т.д.), а также нарочитые переводческие кальки: «я однажды имел в руках пистолет» (гл. 8, Ч. I, с. 19), «коковых напитков» (гл. 4, Ч. II, с. 159), «я делал постели и в этом стал большим экспертом» (гл. 5, Ч. II, с. 162), «Долли играла сингли» (гл. 9, Ч. II, с. 171), «Мисс Пратт, которую я однажды в воскресенье заметил завтракающей с какими-то дамами» (гл. 13, Ч. II, с. 182), «гейзовских осложнений» (гл. 27, Ч. II, с. 246), «до конторы Виндмюллера было всего два блока» (гл. 33, Ч. II, с. 269) и т.д. — прием, который Набоков (значительно реже) применял и в «Других берегах», ср.: «Как-то играя на пляже, я оказался действующим лопаткой рядом с французской девочкой Колетт» (гл. 7, подгл. 3), «выкупаться, одеться, побрекфастать» (гл. 9, подгл. 1)³³.

³² Даль В.И. Ответ на приговор // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 1. С. ХСVI.

³³ Редактор первого издания «Других берегов» в нью-йоркском «Издательстве имени Чехова» В.А. Александрова 5 мая 1954 г. написала Набокову по поводу этого слова следующее: «Вы пишете вместо завтракать “побрекфастать”. Я ни в коей мере не хочу врываться в Вашу творческую лабораторию. Может быть, это слово Вы привели, руководствуясь какими-нибудь своими соображениями художника [...] но мне кажется, было бы лучше употребить глагол “завтракать”». В ответном письме от 10 мая того же года Набоков, приняв некоторые другие поправки, не согласился изменить это слово (Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive. Chekhov Publishing House papers).

3

Ценный материал для сопоставительного анализа русского стиля Набокова конца 1930-х и середины 1960-х гг. дает рассказ «Волшебник» (1939), с которым (как и с набросками второй части «Дара») русская версия «Лолиты» имеет сюжетные, тематические, мотивные, а иногда и текстуальные соответствия. Описание попытки маниакального героя «Волшебника» овладеть спящей девочкой в номере гостиницы, отличающееся безупречным ритмом, текучестью и переливчатостью образного и эвфонического рядов, картинной цельностью впечатления, щедрой россыпью психологических и художественных находок, изобретательным синтаксисом и богатой, изысканной, но однородной в своем составе лексикой, можно отнести к самым выразительным страницам лучшей сирийской прозы и вообще русской литературы:

Она лежала на спине поверх нетронутого одеяла, заложив левую руку за голову, в разошедшемся книзу халатике — сорочки не доискалаась, — и при свете красноватого абажура, сквозь муть, сквозь духоту в комнате он видел ее узкий впалый живот между невинных выступов бедренных косточек. Со звуком пушечной пальбы поднялся со дна ночи грузовик, стакан зазвенел на мраморе столика, и было странно смотреть, как мимо всего ровно тек ее заколдованный сон.

Завтра, конечно, начнем с азов, с продуманной постепенности, но сейчас ты спишь, ты ни при чем, не мешай взрослым, так нужно, это моя ночь, мое дело — и, раздевшись, он лег слева от едва качнувшейся пленницы и застыл, сдержанно переводя дух. Так: час, которым он бредил вот уже четверть века, теперь наступил, но облаком блаженства он был скован, почти охлажден; наплывы и растекание ее светлого халатика, мешаясь с откровениями ее красоты, еще дрожали в глазах сложной зыбью, как сквозь хрусталь. Он все не мог найти оптический фокус счастья, не знал, с чего начать, к чему можно притронуться, как полнее всего в пределах ее покоя насытиться этим часом. Так. Пока что, с лабораторной бережностью, он снял с кисти бельмо времени и через ее голову положил на ночной столик между блестящей каплей воды и пустым стаканом.

Так. Бесценный оригинал: спящая девочка, масло. Ее лицо в мягком гнезде тут рассыпанных, там сбившихся кудрей, с бороздками запекшихся губ, с особенной складочкой век над едва сдавленными ресницами, сквозило рыжеватой розовостью на ближней к свету щеке, флорентийский очерк которой был сам по себе улыбкой. Спи, моя радость, не слушай. Уже его взгляд (себя ощущающий взгляд

смотрящего на казнь или на точку в пропасти) пополз по ней вниз, левая рука тронулась в путь — но тут же вздрогнул, ибо шевельнулась кто-то другой в комнате — на границе зрения, — не сразу признал отражение в шкапном зеркале (его уходящие в тень пижамные полосы да смутный отблеск в лакированном дереве, да что-то черное под ее розовой шиколкой). Наконец решившись, он слегка погладил ее по длинным, чуть разжатым, чуть липким ногам, шершаво свежевшим книзу, ровно разгоравшимся к верховьям — с бешеным торжеством вспомнил ролики, солнце, каштаны, всё... — пока концами пальцев поглаживал, дрожа и косясь на толстый мысок, едва опушившийся, — по-своему, но родственно стусивший в себе что-то от ее губ, щек, — а немного повыше, на прозрачном разветвлении вен, упивался комар, и, ревниво прогоняя его, он нечаянно помог спасть уже давно мешавшему отвороту, и вот они, вот, эти странные, слепые, как бы двумя нежными нарывами вспухшие грудки — и теперь обнажилась вдоль тонкой, еще детской мышцы натянутая, молочно-белая впадина подмышки в пяти-шести расходящихся, шелковисто-темных штрихах, — туда же стекала наискось золотая струйка цепочки — вероятно, крестик или медальон — и уже начинался опять ситец — рукав круто закинутой руки. В который раз нахлынул и взвыл грузовик, наполняя комнату дрожью, — и он остановился в своем обходе, неловко накренившись над ней, невольно вжимаясь в нее зрением и чувствуя, как отроческий, смешанный с русостью запах ее кожи зудом проникает в его кровь. Что мне делать с тобой, что мне с тобой — Девочка во сне вздохнула, разожмурил пупок, и медленно, с воркующим стоном, дыхание выпустила, и этого было достаточно ей, чтобы продолжать дальше плыть в прежнем оцепенении. Он тихонько вытащил из-под ее холодной пятки примятую черную шапочку — и снова замер с биением в виске, с толчками ноющего напряжения — не смел поцеловать эти угловатые сосцы, эти длинные пальчики ног с желтоватыми ногтями — отовсюду возвращаясь сходящимися глазами к той же замшевой скважинке, как бы оживавшей под его призматическим взглядом, — и все еще не зная, что предпринять, боясь упустить что-то, до конца не воспользоваться сказочной прочностью ее сна. Духота в комнате и его возбуждение делались невыносимы, он слегка распустил пижамный шнур, впивавшийся в живот, и, скрипнув сухожильем, почти бесплотно скользнул губами там, где виднелась родинка у нее под ребром... но было неудобно, жарко, напор крови требовал невозможного³⁴.

Та же сцена в «Лолите» (гл. 29, Ч. I):

³⁴ Цит. по: *Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. СПб., 2000. Т. 5. С. 77–78, с уточнениями по тексту машинописного оригинала (Berg Collection).

Одетая в одну из своих старых ночных сорочек, моя Лолита лежала на боку, спиной ко мне, посредине двуспальной постели. Ее сквозящее через легкую ткань тело и голые члены образовали короткий зигзаг. Она положила под голову обе подушки — и свою и мою; кудри были растрепаны; полоса бледного света пересекала ее верхние позвонки.

[...] Я остался лежать неподвижно на краю бездны, вглядываясь в ее спутанные волосы и в проблески нимфеточной наготы, там, где смутно виднелась половинка ляжки или плеча, и пытаюсь определить глубину ее сна по темпу ее дыхания. Прошло некоторое время; ничего не изменилось, и набравшись смелости я решил слегка пододвинуться к этому прелестному, с ума сводящему мерцанию. Но едва я вступил в его теплую окрестность, как ровное дыхание приостановилось, и на меня нашло ужасное подозрение, что маленькая Долорес совершенно проснулась и готова разразиться криками, если к ней прикоснусь любой частью своего жалкого, ноющего тела.

[...] Когда же наконец все водопады остановились и зачарованные охотники уснули, бульвар под окном моей бессонницы, на запад от моего бдения — благоустроенный, величавый, подчеркнуто-неторговый, обсаженный развесистыми деревьями, — выродился в презренный прогон для гигантских грузовиков, грохотавших во мгле сырой и ветреной ночи.

А между тем, меньше чем в шести вершках от меня и моей пылающей жизни находилась дымчатая Лолита! После долгого периода неподвижного бодрствования я снова стал добираться до нее щупальцами, и на этот раз скрип матраца не разбудил ее. Мне удалось пододвинуть мою тяжкую, алчущую плоть так близко, что я почуял на щеке, словно теплое дыхание, ауру ее обнаженного плеча. Тут она приподнялась, охнула, затараторила с бредовой быстротой что-то о лодках, дернула простыню и впала обратно в свое темное, цветущее, молодое бесчувствие. Она заметалась в этом обильном потоке сна, и одна голая рука, недавно коричневая, теперь лунная, с размаху легла через мое лицо. Был миг, когда я держал пленницу, но она высвободилась из моих едва наметившихся объятий, причем сделала это не сознательно, не резко, не с какой-либо личной неприязнью, а просто — с безотносительно-жалобным бормотанием ребенка, требующего полагающегося ему покоя. И все вернулось в прежнее состояние: Лолита, повернутая изогнутым хребтом к Гумберту; Гумберт, подложивший под голову руку и терзающийся вожделением и изжогой. [...] Я все подступал к ней, готовый к любому огорчению; знал, что лучше ждать, но ждать был не в силах. Моя подушка пахла ее волосами. Я пододвигался к моей мерцающей голубке, останавливаясь и втягиваясь всякий раз, что она, казалось, шевелилась или собиралась шевельнуться. Ветерок из [С]траны [Ч]удес уже стал влиять на мои мысли; они казались выделенными курсивом, как если

бы поверхность, отражавшая их, зыблилась от этого призрачного дуновения. Временами мое сознание не в ту сторону загибалось, мое ползком перемещавшееся тело попадало в сферу сна и опять из него выползало; а раза два я ловил себя на том, что невольно начинаю издавать меланхоличный храп. Туман нежности обволакивал горы тоски. Иногда мне сдавалось, что зачарованная добыча готова на полпути встретить зачарованного ловца; что ее бедро добровольно подвигается ко мне сквозь сыпучий песок далекого, баснословного побережья; но эта дымка с ямочкой вдруг вздрагивала, и я понимал, что Лолита дальше от меня, чем когда-либо (с. 114–117).

В отношении первого приведенного отрывка затруднительно высказать какие-либо критические замечания (кроме, быть может, излишнего пристрастия автора к свистящей и жужжащей звукописи: «распустил пижамный шнур, впивавшийся в живот, и, скрипнув сухожильем»), в отрывке же из «Лолиты», тоже блестящем и мастерски выдержанном, заметно меньше находок и можно отметить некоторые досадные зыбкости слога. Неудачно и не по-русски сказано: «рука, недавно коричневая» (в оригинале: “recently auburn”); неудачно: «ползком перемещавшееся тело попадало в сферу сна» (в оригинале, правда, тоже не слишком выразительно: “my shuffling body entered the sphere of sleep”, p. 131); «но эта дымка с ямочкой *вдруг вздрагивала*» — во-первых, стечение согласных, во-вторых, не сразу можно понять, что ямочка относится к бедру (в оригинале много лучше: “her dimpled dimness would stir”).

«Легкие языковые погрешности» русской «Лолиты», отмеченные Вейдле, конечно, не дают оснований отнести перевод романа к небрежной, наспех сделанной работе (на что намекал Г. Струве, называя перевод «ужасным»), хотя и отвечают замечанию самого Набокова о том, что труд этот совершался «отвыкнувшим от родной речи переводчиком», принужденным констатировать «пропажу многих личных безделушек и невозстановимых языковых навыков и сокровищ» (с. 296). Насколько нам известно, до сих пор эти погрешности не выявлялись и не рассматривались исследователями. Приведем некоторые из них.

В гл. 12, Ч. I Набоков пишет: «Мне случалось в приглядку [sic] обладать испещренными светотенью нимфетками [...] протискиваться с осмотрительностью гнусного сластолюбца [...]» (в оригинале: «I [...] had visually possessed dappled nymphets [...] wedged my wary and bestial way», т.е. «я визуально обладал испещренными светотенью нимфетками [...] осмотрительно и похотливо пробирався [...])). Шутливое наречие «вприглядку» пишется слитно и употребляется

(узуально) только в выражении «пить чай (кофе) вприглядку» (т.е. без сахара, а лишь глядя на него, ср. «вприкуску», «внакладку»). Что Набоков имел в виду именно это русское выражение, несомненно, поскольку его семантика поддерживается в том же предложении словом «сластолюбца» (в оригинале отсутствующим).

В той же главе упоминается скупая мисс Фален: «никем не любимая неказистая дочка находится под строгим присмотром мисс Фален, которая однажды, в 1944 году, уже имела Ло под своим канючим крылом (Ло вспоминала то лето с дрожью возмущения)». В оригинале: “buzzard wing”; “buzzard” в английском языке — канюк, сарыч (американское значение — гриф), а в третьем словарном значении — скряга. Однако в русском языке «канюк» несет совсем другие ассоциации, поскольку, помимо исходного значения «хищная птица из семейства ястребиных», означает вовсе не скрягу, а «безотвязного просителя, попрошайку, клянчу» (Словарь Даля) и, следовательно, совсем не вяжется с образом строгой старой девы. В. Виноградов по поводу этого слова писал: «Слова *канюк* и *канючить* были употребительны в русском литературном языке XVIII в. [...] Слово *канюк* обозначало: род небольшого филина; хищную птицу, похожую на ястреба, крик которой напоминает плач [...] На основе этого значения возникает экспрессивно-переносное — в применении к человеку [...]»³⁵.

В гл. 27, Ч. I: «Позади был длинный день, утром она каталась на лодке с Варварой (сестра которой заведовала водяным спортом [...]). Набоков ошибочно употребляет слово «водяной» вместо «водный». Лексические значения прилагательного «водяной» — состоящий из воды, образуемый водой, осуществляемый с помощью воды (например, водяные часы) и живущий в воде, обитающий у воды (водяная крыса, водяной орех и т.д.); «водный» же — относящийся к воде, связанный с водой (водная поверхность, водный раствор и т.д.). Эта ошибка встречается в переводе еще раз — в самом начале, в гл. 2, Ч. I: «скользить на водяных лыжах» (причем в рукописи изначально было: «морских лыжах»).

В гл. 2, Ч. II Набоков схожим образом путает причастия «падший» и «павший»: «струистая тень играла по памятной доске местного Списка Падших» (в оригинале: “local Honor Roll”, что и в смысле точности перевода неверно, так как “Honor Roll” относится не только к погибшим, но и к тем, кто совершил подвиг и остался в живых). Причастие «падший» в значении «погибший, убитый» используется

³⁵ Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 236.

лишь как традиционно-поэтическое, допустимое в стихах, и Набоков в данном случае, если намеренно избрал эту форму, нарушил существующее стилистическое ограничение.

В гл. 14, Ч. II: «у которой были точно такие же горящие маслаки» (в оригинале французское “pommettes” — скулы). «Маслаки» или «мослаки» (это слово Набоков использует в значении «скулы» также в «Подвиге» и «Отчаянии») вовсе не означают «скулы» и вообще неприменимы к лицевым костям — это «толстая, большая кость, костица, особенно одна из округлых костей; бедро с вертлюгом» (Словарь Даля). Также не вполне законно Набоков употребляет уменьшительную форму от этого слова в гл. 18, Ч. I, вновь имея в виду скулы: «черновик Лолитино очерка, ее ног, маслачков, вздернутого носика» (с. 65).

К более мелким погрешностям можно отнести написание «аккомпанимент» (гл. 18, Ч. II) вместо «аккомпанемент», «явайские» (гл. 29, Ч. II) вместо «яванские», «След ноги английского писателя Р. С. Стивенсона» (гл. 2, Ч. II) — вместо «Р. Л. Стивенсона» (причем в английском оригинале правильно, р. 157, но в рукописи перевода ошибка); неправильное окончание в числительном: «рост которой теперь равнялся шестидесяти дюймам, а вес — девяносту английских фунтов» (гл. 15, Ч. II, с. 189–190) — вместо «девяноста английским фунтам»; неправильное образование множественного числа от слова «фара» в родительном падеже: «мотыльки плыли из черного мрака в пытливый свет моих фаров» (в гл. 34, Ч. II, с. 271).

Не во всех ошибках повинен автор перевода и его помощница Вера Набокова. Целый ряд грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок в издании 1967 г. проистекал из крайне небрежно подготовленной машинописи и верстки книги. В интервью Дитеру Циммеру (опубликовано 28 октября 1966 г.) на вопрос «Правда ли, что вы переводите на русский вашу “Лолиту”, хотя пока нет ни малейшей надежды на то, что роман опубликуют в России?» Набоков ответил: «Русский перевод “Лолиты” уже почти год как закончен. Непросто было найти русскую машинистку, а та, которую я, наконец, нашел, работала очень медленно. Скоро книга выйдет в нью-йоркском издательстве “Федра”, и тогда, я надеюсь, она тем или иным путем попадет в Россию. Мой русский, быть может, слегка заржавел, но лишь в сравнении с тем, каким он был лет тридцать тому назад»³⁶. Машинистка работала не только очень медленно, но и очень небрежно. Кроме того, сколь бы ни был покладист книгоизда-

³⁶ Деспот в своем мире. Интервью Дитеру Циммеру. Пер. с немецкого Д. Андреевой // Иностранная литература. 2017. № 6. С. 147.

тель де Лисо (переводчик итальянской биографии францисканского священника “Padre Pio”, 1960, и сценария «Сладкой жизни» Феллини, 1961) и сколь бы ни были трудолюбивы Набоковы, посылавшие ему всё новые и новые списки исправлений в корректуру и гранки, печатный текст русской «Лолиты» поражает обилием нелепых ошибок, опечаток и разного рода неисправностей. Присланная чете Набоковых машинопись, отпечатанная, по-видимому, некоей Натальей Соловьевой (ее имя указано рукой Набокова на счетах оплаты услуг машинистки от сентября — декабря 1965 г.)³⁷ с хорошо читаемой рукописи в двенадцати тетрадях большого формата, содержала такое число коварных опечаток, что, вероятно, проще было не править присланный текст, а напечатать его сызнова. 5 мая 1967 г. Набоковы послали де Лисо список исправлений на нескольких страницах, среди которых, были, к примеру, следующие:

[...] употребляла (not употрбляла)
 указывая (not уакзывая)
 круглая (not кругаля) [...]
 рассудка (not расусдка)
 детально (not детално) [...]
 Вообрази (not Вообраиз)
 далеко (not адлеко) [...]
 этот образ (not этот браз) [...]³⁸

и т.д. и т.п. В другом месте находим всё новые и новые списки исправлений, сделанные Набоковым и его женой на листах писчей бумаги и каталожных карточках карандашом:

[...] Galley 3: экрана (instead of «эдрана»)
 внутри (instead of «нутри»)
 [...]
 Galley 4: нимфетку (instead of «нимфетук»)
 Galley 5: какое (instead of каоке) [...] взором (instead of «возром»), Mlle (instead of «Ulle»)
 Galley 9: пухлявые (instead of «пуклявые»)
 Galley 12 [...] поэтом (instead of «потом») [...]
 Galley 29: куда (not укуда)

³⁷ Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. [Lolita] Holograph notes. With typist's bill.

³⁸ Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Oscar de Liso.

В другом списке исправлений (от 5 июня 1967 г.) отмечается пропаяка нескольких слов: «Galley 100: Лолиты нет рядом со мной, а в том, что голоса ее нет в этом хоре. (not Лолиты нет в этом хоре.)»³⁹.

Неудивительно, что в книге (помимо целых строк, переставленных или съехавших при наборе) находим, к примеру: «с вьшшей бдительностью» (с. [iii]); «Я только стремлюсь подчеркнуть, что откровение на американской веранде было только следствием того “княжества у моря” [...]» (с. 30. Подчеркнуто мной. — А.Б.) — второе «только» напечатано ошибочно; «щуплый выпадыш из гнезда Феникса» (там же) вместо «феникса» (в рукописи правильно); «Ло-борохло» (с. 40, в рукописи перевода правильно: «Ло-барахло»), «не дооценивал» (с. 59); «перестат» (с. 60); «некиим» (с. 62); «но матроны познатнее из тех, которых» (с. 67) — пропущена запятая после «познатнее» (таких случаев множество); «я решил закрепит выигранное преимущество» (с. 79); «лекарство не совладело с моей бессонницей» (с. 82); «я был одержам» (с. 92); «Она нашла, что проект — первый сорт, и спросила, достигнем ли Лепингвила до девяти вечера» (с. 98) — пропущено «мы» после «ли»; «исподную сторону голой ляжки» (с. 109); «чистомеханический половой акт» (с. 119); «У Варвары Бэрк, крепкого сложения, блондинки, на два года старше» (с. 122) — лишняя запятая после «сложения»; «Но что именно хочет сказать эта бодрая книжка, словом “общение”» (с. 133) — лишняя запятая после «книжка»; «как смотрело и павлиное солнце[,] лежавшее на гравии» (с. 147) — вместо «павлинье»; «так-называемого “бертольда”, один из типов итальянского балагана» (с. 195) — вместо «так называемого “Бертольда”, один из типов итальянского балагана»; «вечер в средние июня» (с. 201); «в розовом оцепении» (с. 202) — вместо «оцепенении»; «оставаясь спокойно-веслеой» (с. 212); «склонялась вперед» (с. 214); «полиомелите» (с. 221) вместо «полиомиелите»; «в книге касбимкого мотеля» (с. 232) вместо «касбимского»; «как девочки окрестиил пастора» (с. 233); «войти в сноешние» (там же); «в абрикосовую мглу влажного веера» (с. 244) вместо «вечера»; «давал ему начай» (с. 245); «теперь по крайней мере» (с. 246); «Дук-Дук — ничего не значащее слово (ну это положим)... но это, вообще, теперь все равно» (с. 256) вместо: «Дук-Дук — ничего не значащее слово (ну это положим...), но это вообще теперь все равно»; «по-светски с ней роспил пол бутылки» (с. 268) вместо «по-светски с ней распил полбутылки»; «ничего не значит без ковычек» (с. 290); «Успех путманского издания» (с. 297) вместо «путнамского».

³⁹ Там же.

Много хуже опечаток и разного рода ошибок пропуски и неверные прочтения машинисткой самой рукописи перевода, не исправленные четой Набоковых на более поздних стадиях подготовки книги. Так, к примеру, невнимательная машинистка нередко пропускает исправления или замены, сделанные карандашом (рукою Веры Набоковой) над тем или иным местом написанной синими (преимущественно) чернилами рукописи.

В гл. 2, Ч. I: «всем вам, наверное, знакомы эти благоуханные остатки дня, которые повисают вместе с мошкаррой над какой-нибудь цветущей изгородью, и в которые вдруг попадаешь на прогулке» (с. 2). В рукописи слово «попадаешь» перечеркнуто карандашом и сверху дан более выразительный вариант: «вступаешь».

В следующей главе: «и тогда Аннабелла представляется мне в общих терминах, как-то: “медового оттенка кожа” [...] закрываешь глаза и мгновенно вызываешь на темной внутренней стороне век [...]». В рукописи слово «терминах» исправлено на «выраженьях», а вместо «вызываешь» написано «заставляешь явиться».

В той же главе: «иногда случайный вал, сооруженный другими детьми» (с. 4), в рукописи: «иногда случайный вал, сооруженный из песку другими детьми».

В гл. 5 той же части: «Но с бесовской внезапностью нежный узор наготы, уже принявший от меня дар поклонения, превращался в озаренный лампой отвратительно голый локоть мужчины» (с. 12). Машинальное «принявший... дар» на самом деле ложное прочтение: в рукописи «дань» (в оригинале иначе: «tender pattern of nudity I had adored»).

Там же: «Ах, оставьте меня в моем зацветающем парке, в моем мшистом саду». В рукописи слово «зацветающем» перечеркнуто и над ним написано рукой самого Набокова «опушившемся» — ради созвучия со словом «мшистом».

В той же главе: «Вот ряд десятилетних невест, которых принуждают сесть на фасциний [sic] — кол из слоновой кости» (с. 10). В рукописи так: «Вот ряд десятилетних невест, которых принуждают сесть на fascinum [sic] — вирильный кол из слоновой кости». Вирильный — от *lat. vir* — муж. Поскольку написание «фасциний» не вполне верно (должно быть «фасцинус» или «фасцин» — древнеримские амулеты в форме фаллоса), можно предположить, что Набоков хотел оставить в книге латинское написание (правильно «fascinum», как в оригинале романа: “the fascinum, the virile ivory”, p. 19), с пояснительным прилагательным («вирильный»), которое машинистка или пропустила, или не смогла прочесть и которое по недосмотру в книгу так и не попало.

В гл. 10, Ч. I: «И как если бы я был сказочной нянькой маленькой принцессы (потерявшейся, украденной, найденной, одетой в цыганские лохмотья, сквозь которые ее нагота улыбается королю и его гончим) [...]» (с. 29). В рукописи слово «улыбается» вычеркнуто и рукой Набокова над ним написано: «отвечает улыбкой».

Пропуск целого предложения в длинном диалоге Г.Г. с Лолитой по дороге из лагеря в отель «Привал Зачарованных Охотников» (гл. 28, Ч. I):

«Но мы действительно любовники, правда?»
 «Никак нет. Погода что-то опять портится. Не желаешь-ли [sic] ты мне рассказать про эти твои маленькие проказы в лагере?»
 «Ты что-то очень книжно выражаешься, милый папаша».
 «А тебя легко ошарашить?»
 «Нет. Говори».
 «Настойчиво прошу ответить».
 «Давай остановимся на боковой дорожке, и я тебе расскажу»
 (с. 100–101).

Удивительно, что за несколько десятков лет переизданий (с различными исправлениями и новыми искажениями, о чем мы скажем далее), чтения и изучения романа в России никто, кажется, до сих пор не обратил внимания, что в этом месте подряд идут две реплики Лолиты: «Ты что-то очень книжно выражаешься, милый папаша» и «А тебя легко ошарашить?», а затем одна реплика Гумберта ошибочно разбита на две. В оригинале между репликами Лолиты имеется реплика Гумберта, которая имеется и в рукописи перевода, но которая выпала из машинописи и всех последующих многочисленных изданий русской «Лолиты» с более или менее подробными комментариями и предисловиями более или менее дотошных исследователей. В рукописи перевода это место написано верно:

«Ты что-то очень книжно выражаешься, милый папаша».
 «Чего же ты все-таки там натворила? Настойчиво прошу ответить».
 «А тебя легко ошарашить?»
 «Нет. Говори».
 «Давай остановимся на боковой дорожке, и я тебе расскажу».

В гл. 1, Ч. II: «Простоватая моя девочка орала: “нет!” и в безумном страхе хватала мою рулевую руку всякий раз[,] что я поворачивал автомобиль посредине шоссе [...]» (с. 132). В рукописи же

перевода (и в оригинале, р. 149) это место изложено иначе: «Простоватая моя девочка орала: “нет!” и в безумном страхе хватала мою рулевую руку, всякий раз[,] что я ставил предел ее бурным капризам тем, что поворачивал автомобиль посредине шоссе [...]». Шесть слов из этого предложения выпало.

В гл. 16, Ч. II: «но даже несчастный этот насос мой работал казалось ровно, и я почувствовал себя *adolori d'amoureuse langueur*, когда наконец добрел до коттеджа, где я оставил мою Долорес» (с. 195). После французской строчки в оригинале романа следует указание ее авторства: «если процитировать дорогого старого Ронсара» (р. 214), пропущенное или выпавшее в русском переводе, вследствие чего приведенный Набоковым в приложении к русскому изданию перевод этой строки («разомлевший от любовной истомы», с. 302) ничего не объясняет и никуда не направляет. Что же касается самой французской фразы, то она была атрибутирована исследователями неточно. В 1968 г. Карл Проффер предположил, что цитата представляет собой комбинацию двух разных стихов из “*Les Amours*” Ронсара и что слово “*adolori*” добавлено самим Набоковым ради созвучия с «Долорес»⁴⁰. А. Аппель, не проверив догадку Проффера, в своих комментариях к роману утвердил мнимость цитаты с набоковским добавлением (р. 411); след за ним и А. Долинин в своих комментариях утверждает, что «два последних слова заимствованы Г.Г. из “Любовных стихов” (1552–53) Пьера де Ронсара [...] первое [*adolori*] — игра с именем Долорес»⁴¹. Наконец, след за Долининым другой комментатор романа, А. Люксембург, пишет, что «Два последних слова Г.Г. заимствует из “Любовных стихов” [...] первое же, каламбурно измененное *Dolores*, является его добавлением»⁴². На самом деле Набоков приводит стих Ронсара целиком и не из “*Les Amours*”, а из “*Les Mascarades*” (часть XIII): “*En sependant la foire fut ouverte / De Saint-Germain, où ceux qui ont le cœur / Adoloré d'amoureuse langueur [...]*” («Однако, ярмарка была открыта в Сен-Жермен, где те, у кого есть сердце, разомлели от любовной истомы [...]»)»⁴³. Набоков не придумывает “*adolori*”, но лишь пишет редкое слово “*adoloré*” с “*i*” на конце, как пишется “*endolori*” (наболевший, исстрадавшийся), и если бы он написал его так, как оно написано у Ронсара, то добился бы почти полного созвучия этого слова с именем *Dolores*.

⁴⁰ См.: Проффер К. Ключи к «Лолите». СПб., 2000. С. 247.

⁴¹ Долинин А. Комментарии // Набоков В. Лолита. СПб., 2015. С. 420.

⁴² Люксембург А. Комментарии // Набоков В. Собр. соч. американского периода. С. 634.

⁴³ Choix de poésies de P. de Ronsard. Notes par A. Noël. Tome second. Paris, 1862. P. 172.

В «Послесловии к американскому изданию» после слов «где искусство (т.е. любознательность, нежность, доброта, стройность, восторг) есть норма» (с. 293) выпало предложение: «Таких романов не много», — которое есть и в английском оригинале «Лолиты», и в рукописи перевода.

Сцена экзекуции Куильти (гл. 35, Ч. II) пострадала сильнее других мест. Из нее выпали строки, имеющиеся в рукописи перевода (и в английском оригинале романа):

Отдышавшись, он сложил руки на груди и сказал:
«Ну вот, доигрались. *Vous voilà dans de beaux draps, mon vieux*».
Я наклонился. Он не двинулся. Я наклонился ниже (с. 277).

В рукописи перевода Набоков следует оригиналу:

«Ну вот, доигрались. *Vous voilà dans de beaux draps, mon vieux*».
Он делал успехи по-французски. Я осмотрелся. Может быть, если опуститься на четвереньки... Рискнуть?
«*Alors, que fait-on?*» спросил он, внимательно следя за мной.
Я наклонился. Он не двинулся. Я наклонился ниже.

Оригинал:

«Now, you've done it», he said. «*Vous voilà dans de beaux draps, mon vieux*».
His French was improving.
I looked around. Perhaps, if — Perhaps I could — On my hands and knees? Risk it?
«*Alors, que fait-on?*» he asked watching me closely.
I stooped. He did not move. I stooped lower (p. 298).

Что приведенные строки выпали из книги по недосмотру, а не в результате авторского сокращения текста, вновь следует из «Перевода иностранных терминов», в котором значится перевод последней французской фразы Куильти: «Что же предпринять?» (с. 304).

В этой же сцене выпал еще один фрагмент текста, также имеющийся в рукописи: «Вдруг я заметил, что он заметил, что я как будто не заметил, что Дружок [с заглавной, как в оригинале: “Chum”] торчит из-под радиатора [...]». В опубликованном тексте эта зеркальность восприятия происходящего протагонистом и антагонистом отсутствует (машинистка сочла середину предложения за непреднамеренный повтор?): «Вдруг я заметил, что дружок [sic] торчит из-под радиатора [...]» (с. 277).

В той же главе Куильти сообщает: «Сегодня заходят друзья, чтобы везти меня на большой матч» (с. 279). В оригинале романа сказано лишь “to take me to a game” (т.е. «везти меня на матч», р. 301), а в рукописи перевода уточняется, на какой именно матч собирается Куильти: «Сегодня заходят друзья, чтобы везти меня на ~~футбольный матч~~ спортивный матч ~~баскетбольный матч~~ бэзбольный или ~~футбольный~~ матч». Не сумев прочитать исправленное карандашом слово «бэзбольный», машинистка, вероятно, произвольно заменила его на слово «большой».

Схожим образом в «Предисловии» Джона Рэя одно слово произвольно заменяется другим: «[...] “Лолита” далеко выходит за пределы покаянной исповеди; но гораздо более важным, чем ее научное значение и художественная ценность, мы должны признать нравственное ее воздействие на серьезного читателя, ибо этот мучительный анализ *единичного* случая содержит в себе и общую мораль» (с. [iii]. Курсив мой — А.Б.). В рукописи перевода, как и в оригинале (“personal study”), написано не «единичного», а «личного случая», что точно соответствует смыслу предложения, поскольку случай Гумберта, конечно, не был единичным, как сказано в самом «Предисловии» и в романе, в котором упоминается похищенная пятидесятилетним американским механиком Фрэнком Ласаллем одиннадцатилетняя Салли Горнер.

Последовательное сравнение рукописи перевода с опубликованным текстом заняло бы слишком много места, но и приведенных примеров довольно для того, чтобы получить представление о характере и видах искажений набоковского текста на этапе его перепечатки на машинке и последующей верстки. Помимо явных пропусков или искажений, сделанных машинисткой, в опубликованном тексте обнаруживаются и произвольные замены⁴⁴.

Еще одно обстоятельство, помимо отсутствия в «Федре» компетентных редакторов и корректоров, могло послужить причиной неудовлетворительного состояния отданной в печать книги — переезды издательства в новые офисы на стадии правки машинописи

⁴⁴ К разряду текстуальных проблем романа, требующих дальнейших разысканий, следует отнести некоторые поздние замены, к примеру, весьма странную версию непристойного французского названия вымышленной книги в «Послесловии к американскому изданию»: «тот читатель, который приступит к моей книге думая, что это нечто вроде “Мемуаров Куртизанки” или “Любовных приключений Кулебякина”» (с. 295). В оригинале последнее название вымышленной книги — “Les Amours de Milord Grosvit” (р. 316. Аппель это место не комментирует), несущее обscene коннотации: *фр.* gros — толстый и *vit* — пенис (сленг). В рукописи перевода это название передано, быть может, грубовато, но точно: «Любовных приключений лорда Толстоуда», и откуда в опубликованном тексте возник «Кулебякин», остается загадкой.

и последующих корректур: в письме к Набокову от 8 мая 1967 г. Оскар де Лисо сообщал, что «Все исправленные гранки получены нами в надлежащем виде; мы вновь поменяли офис, поскольку издатель, у которого мы арендовали комнаты, продал свое издательство»⁴⁵. Несмотря на заверения де Лисо, в действительности обеспокоенного главным образом коммерческой стороной предприятия, сомнительно, что вся набокковская правка, славшаяся частями на протяжении апреля — мая 1967 г., была систематично и аккуратно внесена в верстку.

Порча набокковского текста, таким образом, происходила градуально, на этапе перепечатки рукописи перевода на машинке, затем на этапе правки машинописи и, наконец, на этапе внесения поправок в гранки. Вместе с тем, немало ошибок самой рукописи перевода было замечено и исправлено на этих этапах — немало, но далеко не все. Главной проблемой русской версии «Лолиты» является не последующее наложение ошибок и опечаток, а изначальные пропуски в самой рукописи перевода. Только в 2007 г. было замечено, что в гл. 3, Ч. II русского перевода «Лолиты» «оказался случайно выпущен» фрагмент длиной в полстраницы, который был затем переведен Дмитрием Набоковым и с тех пор воспроизводится во всех стандартных изданиях романа в России⁴⁶. К мнению о том, что этот фрагмент оказался выпущен по недосмотру (в рукописи перевода он отсутствует), т.е. не был намеренно исключен из русской версии романа, склоняет и замечание самого Набокова в «Постскриптуме» о том, что он «железной рукой сдерживал демонов, подбивавших на пропуски и дополнения», и наличие других, до сих пор не отмеченных, досадных пропусков в переводе. Приведем несколько примеров.

В гл. 3, Ч. II: «Подумать только, что выбирая между сосиской и Гумбертом — она неизменно и беспощадно брала в рот первое. Не помню, упомянул ли я название бара, где я завтракал, в предыдущей главке?» (с. 149). В оригинале после слов «беспощадно брала в рот первое» следует выпавшая в переводе сентенция, служащая для перехода к другой теме (и вследствие ее утраты в русской версии переход оказался слишком резким): “There is nothing more atrociously cruel than an adored child” (р. 166, т.е.: Нет ничего более жестокого, чем обожаемый ребенок).

⁴⁵ Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Oscar de Liso.

⁴⁶ См.: *Набоков Д.* Примечание к настоящему изданию // Набоков В. Лолита. СПб., 2007. С. [9].

В гл. 22, Ч. II: «одинокий Жозеф Лор мечтал о ночлегах в Олороне, Лагоре, Роласе — или совращал овцу» (с. 222). Выпала французская фраза после «Роласе»: “que sais-je!”, — ее перевод приводится в приложенном к роману «Переводе иностранных терминов»: «я уж не знаю [!]» (с. 303).

В диалоге Гумберта с миссис Чатфильд в гл. 33, Ч. II:

«Ах, конечно», сказал я спокойно. «Конечно, помню Филлис и лагерь [“Кувшинка”]. [...] Кстати, ваша дочурка никогда не рассказывала вам, как Чарли Хольмс развращал там маленьких пансионеров своей гнусной матерью?»

«Стыдно!», крикнула миссис Чатфильд, «как вам не стыдно, мистер Гумберт! Бедного мальчика только-что [sic] убили в Корее» (с. 269).

Здесь после слов «гнусной матери» пропущено следующее предложение, подготавливающее гневную реплику собеседницы Гумберта: “Mrs. Chatfield’s already broken smile now disintegrated completely” (р. 290), т.е.: «Уже потускневшая улыбка миссис Чатфильд теперь погасла окончательно». Продолжение этого диалога в русской версии романа, как было замечено еще Джейн Грейсон⁴⁷, совершенно отличается от оригинала, в котором говорится о различиях значений «только что» (“vient de” и “just”) во французском и английском языках:

«В самом деле», сказал я (пользуясь дивной свободой[,] свойственной сновидениям). «Вот так судьба! Бедный мальчик пробивал нежнейшие, невозстановимейшие перепоночки, прыскал гадючьим ядом — и ничего, жил прелево, да еще получил посмертный орден. Впрочем, извините меня, мне пора к адвокату».

В оригинале:

“I said didn’t she think “vient de”, with the infinitive, expressed recent events so much more neatly than the English “just” with the past? But I had to be trotting off, I said”. [Я сказал, не кажется ли ей, что французское “vient de” с инфинитивом намного точнее выражает, что события произошли недавно, чем английское “just” с прошедшим временем? Впрочем, мне пора идти, сказал я.]

⁴⁷ Grayson J. Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov’s Russian and English Prose. Oxford University Press, 1977. P. 123.

4

2 октября 1967 г. Оскар де Лисо известил Набокова: «Поздравляю с публикацией “Лолиты”, которая вышла в свет на прошлой неделе»⁴⁸, и с этого момента автор и переводчик романа уже ничего не мог исправить или восстановить в своей книге⁴⁹. Пройдет немногим больше двадцати лет, и для неисправного текста романа начнется совсем другая история — его многочисленных последующих переизданий в России. В 1989 г. он будет выпущен громадным тиражом в *государственном* издательстве «Известия»⁵⁰, в одночасье перейдя из разряда нелегальной литературы в разряд литературы массовой.

Стремление издателей поскорее выпустить еще так недавно запрещенную книгу не способствовало серьезной работе над ее текстом. К существующим ошибкам американского издания добавились новые, привнесенные советскими редакторами и публикаторами, часто не понимавшими текст Набокова и не утруждавшими себя проверкой редкой или старой формы слова и сверкой русского перевода с английским оригиналом. Вместо того чтобы ограничиться исправлением явных опечаток, не касаясь — до лучших времен — трудных или спорных мест, редакторы принялись по своему разумению менять текст Набокова, не оговаривая и не отмечая своих вторжений. Наслоение ошибок и искажений продолжилось. Причем вышел казус: большой и сложный роман требовал предисловий и комментариев, и такое издание очень скоро появилось⁵¹ (далее Л-1991), создавая иллюзию научного подхода к нашумевшему роману Набокова, но сам комментируемый текст «Лолиты» при этом оказался испорчен еще сильнее, чем в некоторых других, неприятных, но аккуратных перепечатках американского издания, выпущенных в то же время⁵².

⁴⁸ Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Oscar de Liso.

⁴⁹ У Набокова была возможность еще раз сверить текст и внести исправления в «ардисовское» переиздание романа 1976 г. (*Набоков В. Лолита* / Перевел с английского автор. Анн Арбор: Ардис, 1976), но, к большому сожалению, он этого не сделал. В письме к К. и Э. Проффер от 1 апреля 1976 г. Вера Набокова по поводу этого проекта сообщила: «“Лолита” по-русски. В.Н. предлагает изменить титульный лист и обложку, опустить материал [упомянутую нами аннотацию к первому изданию] на переднем отвороте [...] В.Н. говорит, что у него нет никаких исправлений, хотя ваш корректор может найти какие-нибудь опечатки» (Переписка Набоковых с Профферами / Публ. Г. Глушанок и С. Швабрина. Комментар. Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. С. 162).

⁵⁰ Сдано в набор 29.12.88, подписано в печать 10.02.89. Цена 2 рубля.

⁵¹ *Набоков В. Лолита* / Вступ. ст. и коммент. А. Долинина. Ред. Э. Шахова. Корректоры Л. Волкова, Н. Яковлева. М.: Художественная литература, 1991. Далее страницы этого издания приводятся в тексте.

⁵² Из таких изданий можно назвать следующее: *Набоков В. Лолита*. Камера Обскура / Сост. А. Кошляк. Томск: Изд-во Томского университета, 1991.

Несмотря на участие в издании комментатора, редактора и двух корректоров, даже многие явные опечатки (не говорю о пунктуации, расхождениях в написании имен собственных, оформлении прямой речи) в нем не исправлены. Оставлено «вящей» (с. 20), «досмерти» (с. 63), «сзуживающийся» (с. 69), «во свояси» (с. 85), «ввиде миража» (с. 87), «некиим» (с. 90), «не дооцениваешь» (с. 90), «совладело» и «быть с ним на чеку» (с. 112), «небораспирающих» (с. 141, вместо «нёбораспирающих»), «исподную сторону» (с. 142), «в конец испорченным» (с. 187), «в более строго [...] стиле» (с. 196, вместо «строгом»), «в розовом оцепении» (с. 245), «в абрикосовую мглу влажного веера» (с. 291, вместо «вечера»), «ниже следующее решение» (с. 338), «путманского издания» (с. 349) и т.д.

Некоторые ошибки исходного издания не только не исправлены, но и перенесены в комментарий. К примеру, уже упомянутое зашифрованное послание Моны, содержащее имя антагониста и неправильно (в отличие от рукописи) выделенное жирным шрифтом с буквы «с», в Л-1991 так и воспроизводится: «тоску **иль тишь**» (с. 247), а в комментарии эта ошибка не отмечается: «Во второй строке этих стихов [...] зашифрован совет Моны предпочесть Гумберту автора пьесы Куильти» (с. 391)⁵³. Ошибочно напечатанное в книге со строчной буквы имя персонажа итальянской комедии так и воспроизводится в комментариях: «напомнили мне так называемого “бертольда”... — Имеется в виду главный герой трех итальянских новеллистических циклов [...]» (с. 390). Искаженное в книге имя героя «Кармен» («Хозе Лизачовендоа, в известном романе Меримэ, собирался увезти свою Кармен в *Etats Unis* [sic!],» с. 220) так и приводится в комментариях Долинина, причем им не исправляется не только имя персонажа (Лиззарабенгоа, в английском оригинале «Лолиты» написано правильно⁵⁴) и ошибочное указание, что «Кармен» — роман (на самом деле новелла), но и ошибка во французском названии Соединенных Штатов, правильно: “*États-Unis*”.

Основные искажения, привнесенные в Л-1991, следующие:

⁵³ На наш взгляд, многоопытная не по годам Мона здесь признается уехавшей две недели назад из Бердслея Лолите, что второй роман у нее был с Куильти («Об одном моем романе ты знаешь, о другом только думаешь, что знаешь», — говорит она Лолите в том же письме) — опасный роман, из-за которого отец и отправил ее в Париж. Предположение, что Мона вдруг советует Лолите «предпочесть Гумберту [...] Куильти», тем более странно, что Лолита уже давно и не без ее участия сделала свой выбор, и ее внезапный отъезд из Бердслея («Маршрут выбираю я», — сказала она) как раз и был продиктован ее сговором с Куильти, с которым она задолго до этого договорилась морочить ненавистного Гумберта.

⁵⁴ Эта ошибка вызвана тем, что в рукописи перевода вторая часть имени персонажа была написана латиницей: «Лиззагабэнгоа», которую машинистка приняла за кириллицу: «тг» за «ч», «в» за «в», «g» за «д».

В уже приводившемся предложении «И как если бы я был сказочной нянькой маленькой принцессы (потерявшей, украденной, найденной, одетой в цыганские лохмотья, сквозь которые ее нагота улыбается королю и его гончим)...» (с. 29). В Л-1991 «его [т.е. короля] гончим» заменено на бессмысленное «ее [т.е. Лолиты] гончим» (с. 53).

В гл. 3, Ч. II: «Вот тогда-то мы едва-едва не попались» (с. 152). В Л-1991: «Вот тогда-то мы едва не попались» (с. 189).

В той же главе: «Больше всего она любила следующие сорта фильмов, в таком порядке: музыкально-комедийные, гангстерские, ковбойские. В первых, настоящим певцам и танцорам [...]» (с. 153). Сбитый с толку запятой после «первых» публикатор в Л-1991 вновь делает искажающую смысл замену: «Во-первых, настоящим певцам» (с. 190).

В гл. 16, Ч. II: «Мы ехали не спеша, так как у нас была целая неделя, чтобы достичь Уэйс [...]» (с. 191), в Л-1991 вновь бессмысленная замена: «Мы уехали не спеша» (с. 232).

В той же главе: «Все автомобили отбыли, кроме его шарабана; туда влезала его брюхатая молодая жена со своим младенцем и другим, более или менее отменным ребенком» (с. 196, что точно воспроизводит оригинал: “more or less cancelled child”). В Л-1991, публикатор, не поняв смысла предложения, вновь делает диковинную замену: «отменным ребенком» (с. 238)! Как вообще ребенок может быть «более или менее отменным»?

В гл. 19, Ч. II Мона в своем письме сообщает: «После завтра [sic] меня увозят в Нью-Йорк» (с. 204). В Л-1991 нелепейшая замена: «После завтрака меня увозят в Нью-Йорк» (с. 246)!

В гл. 26, Ч. II: «мы с Ритой снимали квартиру с видом на глянцевиные тела мальчиков и девочек[,] игравших под душами[,] далеко внизу, в водометной дубраве Центрального Парка» (с. 241). В Л-1991 вновь замена: «тела мальчиков и девочек игравших под дубами» (с. 287)! Читая «Лолиту» в этом издании (выпущенном сто-тысячным тиражом), читатель должен был бы усомниться в мастерстве прославленного стилиста Набокова, ставящего рядом «дубы» и «дубраву».

Испорченное издание 1991 г. легло в основу нового комментированного издания «Лолиты», выпущенного в 1997 г. в собрании сочинений Набокова (далее — Л-1997)⁵⁵. В преамбуле к своим

⁵⁵ Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. / Сост. С. Ильина и А. Кононова. Комментар. А. Люксембурга. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 1997. Далее страницы этого издания приводятся в тексте.

комментариям А. Люксембург отметил: «Американские издания русскоязычной “Лолиты”, с которых до сих пор осуществлялись перепечатки романа в нашей стране, грешат опечатками, ненормативной орфографией и пунктуацией, причем обычному читателю далеко не всегда ясно, были ли эти неправильности внесены Набоковым сознательно. В настоящем издании впервые предпринята попытка приблизить текст к нормам современного русского языка и в то же время не нарушить авторского замысла» (с. 601).

Благое намерение потерпело полную неудачу, хотя в Л-1997 и был исправлен ряд опечаток. Собрав урожай новых, внесенных в Л-1991 ошибок, оставив и «ее гончим», и «уехали не спеша», и «отменного» ребенка, и «после завтрака», и «дубы» в дубраве, А. Люксембург дополнил текст новыми ошибками, новыми произвольными заменами, не оговоренными в его комментариях, по большей части переписанных у Долинина.

Одураченному преамбулой А. Люксембурга «обычному читателю» этого издания пришлось принять на веру, что Набоков, к примеру, в гл. 28, Ч. I написал так: «Я оставил Лолиту, все еще сидящую на краю бездонной постели, дремотно поднимающую ногу [...] и при этом показывающую неполную сторону голой ляжки» (с. 153). Между тем у Набокова Лолита показывает «исподнюю [sic] сторону голой ляжки» (с. 109).

Или что в гл. 14, Ч. II сказано: «Так как говорилось, что музыка связана с увлечением балетом и сценой, я позволил Лолите [...]» (с. 249), в то время как у Набокова не абстрактное утверждение, а конкретное: «музыка связана с ее [т.е. Лолиты!] увлечением балетом и сценой» (с. 184).

В гл. 29, Ч. II в диалоге Г.Г. с Лолитой:

«Ах, гадости... Ах я, нет, право же, я...» [...] Нет — не могла, отказывалась подробнее объяснить в присутствии ребенка, которого несла.

Что ж, дело (с. 257).

В Л-1997 публикатор считает нужным вставить «ее»: «Что ж, ее дело» (с. 339), не понимая, что у Набокова здесь использован речевой оборот, выражающий одобрение: дело говоришь, согласен (в оригинале: “That made sense”, p. 277).

В гл. 32, Ч. I Набоков транслитерирует название американского штата Maine как Мэйн (с. 124, такое написание еще встречалось

в СССР в конце 1950-х гг.⁵⁶), но в тексте Л-1997 — «Мэн» (с. 173). Так же по-своему Набоков транслитерировал название штата Айдахо как «Идаго» (с. 141), но отчего-то в Л-1997 это написание не исправляется (с. 195). Или искажение другого рода: нечувствительный к набоковской иронии публикатор в предложении «в известной пьесе Сада на последях вызывают из сада садовника» (с. 292) заменяет просторечие «на последях» нейтральным «напоследок» (с. 300).

Но еще хуже приведенных бездумных вторжений оказалось другое. В преамбуле к комментариям А. Люксембург сообщает, что он поместил набоковское приложение «Перевод иностранных терминов» в «единый комментарий к тому» (с. 601), однако не сообщает, что при этом исключил из него часть текста. Читатель Л-1997 никогда не узнает, к примеру, набоковского суждения в отношении упомянутого в гл. 8, Ч. I произведения: «Jean-Christophe — посредственный роман Р. Роллана» (с. 300), поскольку в Л-1997 эта оценка не приводится (с. 610), или же набоковское примечание к переводу французской фразы в гл. 1, Ч. I: «се qu'on appelle "Dixieland"» — «что называется Диксиланд (пошлое название южных штатов)» (с. 301). В Л-1997: «что называется "Диксиланд" (*фр.*). "Диксиланд" — собирательное название южных штатов» (с. 624).

В результате этого своеволия из книги оказались исключены фрагменты набоковского текста, нарушена авторская композиция книги, утрачена связь набоковского приложения (отмеченного теми же элементами его стиля и литературной игры, что и само повествование) с основным текстом романа.

Парадоксальным образом это издание, претендующее на исправленное, оказалось еще более неисправным, чем долининское издание 1991 г. Л-1997, в свою очередь, легло в основу всех последующих, так называемых «стереотипных» изданий романа в России, права на который последние годы принадлежат издательству «Азбука».

В свете такой несчастливой судьбы «Лолиты» в России неудивительно, что типовое «азбучное» издание романа, помимо подробно описанных нами изначальных проблем первого издания 1967 г., не только унаследовало пропуски и ошибки Л-1991 и Л-1997, десятилетиями караваном идущие из книги в книгу (мы находим в нем и «ее гончих» вместо «его гончих», и «неполную сторону голой ляжки», и «после завтрака» вместо «послезавтра», и «связана с увлечением» вместо «связана с ее увлечением», и «Во-первых» вместо «В пер-

⁵⁶ Ср.: «Мистер Майкл Шонджейнс, руководитель профсоюза рабочих текстильной промышленности в штате Мэйн» (*Боноски Ф.* Нищета в США // Огонек. 1959. № 28, июль. С. 7).

вых», и «Что ж, ее дело» вместо «Что ж, дело», и проч.), но пополнилось новыми искажениями.

В «азбучном» издании романа 2007 г. (далее Л-2007)⁵⁷, с уже восстановленным в гл. 3, Ч. II выпавшим фрагментом в переводе Д.В. Набокова, прежде всего обнаруживаются новые ошибки во французских словах и фразах. Не зная, к примеру, что во французском языке “Mlle” — это сокращение от “Mademoiselle” (у Набокова “Mlle Edith”, с. 14), публикаторы в Л-2007 превращают его (намеренно или нет) в имя: “Mile Edith” (с. 36). Или в гл. 29, Ч. II цитата из «Кармен»: “allons vivre quelque part où” (с. 258) в Л-2007 искажается в двух местах: «aliens [sic!] vivre quelque part où [sic!]» (с. 413).

В гл. 11, Ч. I: «Держа лист и продолжая его изучать» (с. 38), в Л-2007: «Держа лист и продолжав [?] его изучать» (с. 73).

В гл. 1, Ч. II: “Nous connûmes разнородных мотельщиков” (с. 129), в Л-2007 «мотельщики» заменены на «метельщики» (с. 212), очевидно, от слово «метла». И далее вновь: «проникавшем из метельного двора сквозь жалюзи» (с. 423) — здесь уже читатель подумает о метели.

Таким образом, в результате поэтапной порчи текста романа в России в 1991–1997 гг. в двух его главных комментированных изданиях, наибольшее число всевозможных ошибок и разного рода искажений оказалось сосредоточено в типовом «азбучном» издании «Лолиты», тиражируемом уже свыше десяти лет, читаемом самой широкой аудиторией и цитируемом в многочисленных научных работах.

Дело, однако, как могло бы показаться, не безнадежно. Разумеется, не на все вопросы найдутся ответы в архивах и набоковской корреспонденции, однако изучение оригинала романа, трех редакций написанного по нему сценария и, наконец, его русской версии, а также работа по восстановлению авторского текста русского перевода «Лолиты» на основе рукописи и первого американского издания 1967 г., частью материалов и наблюдений которой мы поделились в настоящей статье, позволяют устранить множество разного рода искажений и дефектов и приступить к подготовке первого критического русского издания романа. Универсального метода исправления дефектных изданий не существует. Как указал Г.О. Винокур,

⁵⁷ Набоков В. Лолита. СПб.: Азбука-классика, 2007. Далее страницы этого издания приводятся в тексте.

Какой бы единый критерий ни клали мы в основание критического анализа, он будет несомненной абстракцией [...] Точной такой же абстракцией будет и всякая теория, заранее преуказывающая, что и как надлежит оценивать, или предлагающая твердые оценочные принципы. [...] Только конкретное изучение всякий раз отдельно взятого факта, в широком и предельном его филологическом истолковании, может дать нам точный ответ на вопрос: дефектно ли данное изложение или же оно только кажется нам таким. В области практической, когда наши критические суждения принимают форму критики *текста*, это означает, что только конкретная интерпретация каждого отдельного варианта или списка, в предельном его освещении филологическим комментарием, может дать нам ответ на вопрос: что же следует печатать. [...] Мы не можем закрывать глаза и на такие случаи, когда последняя авторизованная редакция не является авторитетной. Мы не можем забывать, что всякого рода лапсусы, опечатки, а то и более существенные отклонения от задания [...] легко могут угнездиться и в последней, т.е. при механическом подходе к делу — наиболее авторитетной редакции⁵⁸.

Наш метод подготовки выверенного издания романа предусматривает восстановление выпавших при переводе и затем на стадии машинописи и верстки фрагментов текста, выявление и включение спорных мест и вариантов в текстологический комментарий (в том случае, если невозможно сказать, что отсутствующий в тексте фрагмент не был исключен автором на более поздних стадиях правки), унификацию написания топонимов и имен собственных (Поэ — По, Лезли — Лесли, Холливуд — Голливуд, Клаймакс — Климакс, Теллюрид — Теллурид и т.д.), уточнение транслитераций, исправление описок, грамматических и прочих ошибок первого издания, а также исправление, в согласии с авторским замыслом и пометками на страницах рукописи перевода, оставленных по недосмотру следов дореформенной орфографии и синтаксиса с сохранением при этом старых и разговорных форм слов и выражений, отражающих авторский словарь и манеру (например, «равнозначуще», «Джемса Первого», «усумнился», «чорт», «лезбиянка», «Мэйн», «ветряный день», «на последях» и т.д.). Такая работа подобна кропотливой, слой за слоем, реставрации поврежденной картины — к счастью, эскизы и даже весь обрамленный оригинал, с которого создавалась красочная копия, в нашем распоряжении.

⁵⁸ Винокур Г. Критика поэтического текста. М.: ГАНХ, 1927. С. 44–45.

Литература

- Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. 950 с.
- Виноградов В.В.* История слов. М.: РАН, 1999. 1138 с.
- Долинин А.* Комментарии // Набоков В. Лолита. СПб.: Азбука, 2015. С. 385–444.
- Набоков В.* Лолита / Пер. с англ. автора. New York: Phaedra Publishers, 1967. 304 с.
- Набоков В.* Лолита / Вступ. ст. и коммент. А. Долинина. М.: Художественная литература, 1991. 415 с.
- Набоков В.* Лолита // Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т. 2 / Сост. С. Ильина и А. Кононова. Коммент. А. Люксембурга. СПб.: Симпозиум, 1997. С. 11–391.
- Набоков В.* Лолита. СПб.: Азбука-классика, 2007. 480 с.
- Переписка Набоковых с Профферами / Публ. Г. Глушанок и С. Швабрина. Пер. с англ. Н. Жутовской // Звезда. 2005. № 7. С. 123–170.
- Проффер К.* Ключи к «Лолите» / Пер. с англ. Н. Махлаюк и С. Слободянюк. Послесл. Д.Б. Джонсона. СПб.: Симпозиум, 2000. 302 с.
- Barabtarlo G.* Aerial View. Essays on Nabokov's Art and Metaphysics. New York: Peter Lang Publishing, 1993. 301 p.
- Dolinin A.* Lolita in Russian // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 321–329.
- Grayson J.* Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose. Oxford University Press, 1977. 257 p.
- Nabokov V.* Strong Opinions. New York: Vintage, 1990. 335 p.
- Nabokov V.* The Annotated Lolita / Ed., with Preface, Intr. and Notes by Alfred Appel, Jr. New York et al.: Penguin Book, 1991. 457 p.
- Paperno S., Hagopian J.V.* Official and Unofficial Responses to Nabokov in the Soviet Union // The Achievements of Vladimir Nabokov. Essays, Studies, Reminiscence and Stories / Ed. by G. Gibian and S.J. Parker. Ithaca, New York: Center for International Studies, 1984. P. 99–118.

References

Barabtarlo G. *Aerial View. Essays on Nabokov's Art and Metaphysics*. New York, Peter Lang Publishing, 1993. 301 p.

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody. Biografiia* [Vladimir Nabokov. The American Years. A Biography]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2010. 950 p. (In Russ.)

Dolinin A. "Lolita" in Russian. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, ed. by V.E. Alexandrov. New York & London, 1995, pp. 321–329.

Dolinin A. Kommentarii [Commentary]. Nabokov V. *Lolita*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015, pp. 385–444. (In Russ.)

Grayson J. *Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose*. Oxford University Press, 1977. 257 p.

Nabokov V. *Lolita*, transl. into Russian by the author. New York, Phaedra Publishers, 1967. 304 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Strong Opinions*. New York, Vintage, 1990. 335 p.

Nabokov V. *The Annotated Lolita*, ed., with preface, intro. and notes by A. Appel, Jr. New York et al., Penguin Book, 1991. 457 p.

Nabokov V. *Lolita*, intro. and notes by A. Dolinin. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 415 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Lolita. Sobraniie sochinenii amerikanskogo perioda: V 5 t. T. 2* [Collected works of american years in 5 vol. Vol. 2], ed. by S. Il'in and A. Kononov, comment by A. Luxemburg. St. Petersburg, Symposium Publ., 1997, pp. 11–391. (In Russ.)

Nabokov V. *Lolita*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2007. 480 p. (In Russ.)

Paperno S., Hagopian J.V. Official and Unofficial Responses to Nabokov in the Soviet Union. *The Achievements of Vladimir Nabokov. Essays, Studies, Reminiscence and Stories*, ed. by G. Gibian and S.J. Parker. Ithaca, New York, Center for International Studies, 1984, pp. 99–118.

Perepiska Nabokovykh s Profferami [Vladimir & Véra Nabokov correspondence with Carl & Ellendea Proffer], publ. by G. Glushanok and S. Shvabrin, transl. from English by N. Zhutovskaia. *Zvezda*, 2005, no. 7, pp. 123–170. (In Russ.)

Proffer K. *Kliuchi k "Lolite"* [Keys to "Lolita"], transl. from English by N. Mahlaiuk and S. Slobodianiuk, foreword by D.B. Johnson. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 302 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Istoriia slov* [The history of words]. Moscow: Russian Academy of Science Publ., 1999. 1138 p. (In Russ.)

**Capital restoration.
The Russian version of “Lolita”:
From the manuscript to the book**

© 2018, Andrei Babikov

Abstract: The article focuses on the history of creation and publication of the Russian translation of “Lolita” (1967). Based on Nabokov’s manuscript of the Russian translation of the novel and other archival materials from the New York Public Library (Berg Collection), on one hand, and on the comparison between the translation and the original text of the novel, on the other, the present analysis for the first time examines different types of numerous distortions, omissions, flaws and mistakes added by the typist in the Russian version of the novel and in its further reprints and editions in Russia. Certain approaches and principles, formulated in the article, allow starting the preparation of the first critical, textually correct edition of the novel.

Keywords: Vladimir Nabokov, “Lolita”, history of publication, archival materials, self-translation.

Information about the author: Andrei Babikov, an independent scholar, Moscow, Russia.

E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Citation: Babikov Andrei. Capital restoration. The Russian version of “Lolita”: From the manuscript to the book. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 335–383.